ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

10-го мая 1930 г.

ПРАГА

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ИЙ

57

10-го травня 1930 р.

PRAHA

РІК ВИДАННЯ 3-ІЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Людмила Костина:* Тоска ожидания.
2. „ „ Три желания.
3. *Александр Пивень:* Черноокая Катруня.
4. *Санжа Балыков:* По Дону.
5. *С. Савицький:* Готуймось до бурі!
6. *Гнат Макуха:* *** Вірші.

7. Харьковский процесс.
8. Нашим соседям.
9. Инж. *В. Бейсуг:* „Пятилетка“ у нас.
10. Др. *Эренджен Хара-Даван:* Тупики и исходы русской революции.
11. *Ис. Быкадоров:* От Сватикова к Короченцеву.
12. *А. А. Гейман:* Бои в районе г. Ардагана в декабре 1914 г.
13. *Шамба Балинов:* Настроение казаков в Родных Краях.
14. *Н. Нечуй-Левицкий:* Бог поругаем не бывает.
15. Думы и мысли.
16. Из истории экономического прошлого наших Земель.
17. Печать о „Вольном Казачестве“.
18. По страницам газет и журналов.
19. Казачья эмиграция.
20. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик.

Перу. — Ген. П. — Получено. Спасибо. Привет.

Польша. — В. Е. — Получено. Привет.

Югославия. — А. Г. — Календари будут посланы. Привет.

Югославия. — В. К. — Журнал Вам посылается исправно. Привет.

Перу. — Д. В. — Получено. Пишите еще. Привет.

Конго. — И. Ш. — Хорошо. Привет.

Париж. — Бібл. ім. С. П. — Добре.

Германия. — А. Т. — Будет послано. Привет.

Югославия. — Т. С. — Послан. Привет.

Франция. — П. Ж. — Хорошо. Послано. Привет.

Болгария. — Г. А. — Получено. Привет.

Югославия. — П. — Таких вещей без собственной В. подписи поместить не можем. Привет.

Франция. — Ф. Е. — „Джигитовка“ будет помещена. Привет.

Югославия. — К. П. — Посылается. Привет.

Страконице. — Г. Л. — Посылается. Привет.

Болгария. — Н. П. — Получено. Привет.

Франция. — Ф. С. — Книга И. Быкадорова стоит 20 фр. с пересылкой. Если интересуетесь Историей Казачества, то книгу эту, конечно, приобретете.

Болгария. — Б. К. — Из Перу действительно ничего не вышло. Но весьма возможно, что все же удастся заложить где нибудь более удачную казачью колонию. Через некоторое время сможем сообщить Вам более интересные сведения по этому вопросу. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **А. Л. Персидсков.**
В ПОДЄБРАДАХ: **Ф. М. Штовхань.**

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.
А. Шапошников. Сливен.
Санжа Мукукенов (для калмыков). София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.
F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.
А. П. Чорный — A. Čorny. Drvar, Vrbaska Ban.
А. А. Гейман. Зајечар.
Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).
А. Чекин. Крагуевац.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

ВО ФРАНЦИИ:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.
С. Б. Аршинов (район Лиона). M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Dècines.
С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.
Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).
Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.
К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerolle, Pont de Claix.
С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.
Б. Х. Бембинов (район Нанта). M-eur Bembinoff, Verreries de „Bretagne“ à Verton.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wł. Ieremiejew, Grajewo, Stražacka, 3.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: **П. С. Ковган.** Харбин.

ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО
ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 57 | *Прага, суббота 10-го мая 1930 г.* | № 57

Людмила Костина. *(Югославия).*

ТОСКА ОЖИДАНИЯ.

Вечер... Прячутся в сумраке контуры темные;
Заростающий двор неприветлив и пуст;
А вокруг тишина, ароматная, сонная...
И на сердце какая то странная грусть.
Где то плачет рояль, и аккорды печальные,
Навевая мечты затушеванных дней,
Мне рисуют черты незабвенные, дальние,
Среди серых узоров вечерних теней.
Плачут звуки и будят природу уснувшую,
И вокруг шелестит едва слышно листва,
Плачет сердце... И хочется счастья минувшего,
— Снова яркого счастья и грез без конца!..

ТРИ ЖЕЛАНИЯ.

Мне хотелось бы плакать, чтоб горе глубокое
В своих горьких слезах навсегда утопить.
Исстрадалась, устала душа одинокая
И не в силах теперь ни жалеть, ни любить...
Мне б хотелось уснуть, чтобы боль неизменную
В черном сне без видений и грез схоронить,
Чтоб во мраке без звуков забыть незабвенное,
Чтоб не слышать, не видеть, не жить...
Мне б хотелось разбить свое сердце усталое,
Чтоб уже не томиться, не ждать,
Чтоб ударом одним и любовь запоздалую
И ненужную жизнь оборвать...

Александр Пивень. (Югославия).

Черноокая Катруня.

(Отрывок из незаконченной повести).

Розплелася густа коса
Аж до пояса,
Розкрилися перси-гори —
Хвилі серед моря;
Засіяли карі очі —
Зорі серед ночі...

Т. Шевченко.

Нет, то не змея черная, страшная, то вьется-извивается, то уродливо перегибается, сверкая темным блеском своего тела; то чудная коса девичья, длинная-предлинная, как вороново крыло — черная, разлеглась вдоль стройной спины дивчины Катруни и, при каждом ее движении, от быстрой походки, то вьется-перегибается, то как змея извивается.

Дивчина с такой дивной косой, по всему видно, куда-то очень спешит и чем-то сильно встревожена. Она иногда быстро перебегает улицу, озираясь по сторонам и пользуясь наступающими вечерними, сумерками, и старается все время держаться в тени деревьев, чтобы пройти, по возможности, мало замеченной.

А как причудливо, как интересно оттопырилась на груди рубаха у девушки! Похоже на то, что Катруня поймала где-то двух молодых зайчиков, спрятала их в свою пазуху и спешит с ними домой, все время придерживая их одной рукою. И вот они возятся там, тыкаются своими острыми мордочками, стараясь выпрыгнуть на волю... Впрочем, нет, какие там зайчики? То роскошные девичьи груди так нескромно оттопырились под рубахой и так смешно колышутся от каждого ее шага и прыгают, как два живых зайчика... Ах, пышные перси-груди, чудная коса — видно в вас вся девичья краса!

Но вы никогда не видели, нет, вы не могли ни встретить, ни увидеть где-либо таких других глаз, как у Катруни! Черные, как две зрелые терновые ягодки, и в то же время ясные, как майский день, они высматривают из под темных бархатных бровей: то шаловливо-лукаво, с бесенками в зрачках; то застенчиво и стыдливо, закрываясь длинными шелковистыми ресницами; то вдруг смело и гордо, как глаза степной красавицы-казачки... Так не в вас-ли, дивные глаза, все чары, вся девичья краса?

Но ведь и ротик у Катруни, его пухлые, цвета зрелой вишни, губки и сверкающие из под них белые остренькие зубки — одно загляденье. И подлинно в нем вся девичья краса и очарование. И по всему видно, что этот ротик давно уже созрел, и что давно уже хочется ему кого-либо целовать, да и самому подставлять губки для поцелуя, но попробуй который-либо парубок сделать это: так и сверкнет в воздухе белая рука Катруни! О, уже все парубки, охочие до об'ятий и поцелуев, хорошо знают, что Катруня не только красавица на всю станицу, но и настоящая бой-дивчина; и еще

не было такого смельчака парубка, который бы отважился насильно поцеловать ее.

Да, Катруня знает себе цену, она не любит таких вольностей и никому не дает на то повадки; и однако нашелся все-таки в станице такой герой-парубок, на которого и у Катруни не поднимается рука. Впрочем, если говорить правду, то изредка и на него поднимается, но разве только для того, чтобы обвить его шею и подставить затем свой пухлый ротик для горячих, жарких поцелуев.

Но кто же такой этот избранник Катруни? И чем мог пленить он неприступное сердечко этой бойкой и красивой девушки? О, это не обычный парубок, каких бывает много везде и всюду: это орел-казак, сумевший в девятнадцать лет стать известным на всю станицу. И вот эта чистая сердцем девушка, еще не знавшая, что такое любовь, не могла потом оставаться спокойной и равнодушной, увидевши такого статного молодца, с богатырской грудью, со взглядом сокола, о котором так много стали говорить в последнее время все ее подруги. Но он живет далеко, на другом конце станицы, и она его прежде совсем не знала; и только в минувшем году увидела первый раз на станичных скачках.

Но кто он такой? Это молодой Василько Паливода, силач и неустрашимый джигит и наездник, взявший на станичных скачках уже два первых приза.

Давно уже повелось так на Кубани и вошло повсеместно в обычай, что каждую весну в станицах устраиваются скачки для казаков-малолетков,*) и всякая станица очень гордится своими лучшими джигитами и наездниками. Когда же происходят самые скачки и все жители станицы выйдут на них смотреть, то это зрелище чрезвычайно всех захватывает, приводит в восторг и возбуждение: ни один старик, глядя на молодецкую удаль джигитов, не может устоять спокойно на месте и с каждой минутой все более, все сильнее разгорается старое казачье сердце, а острая память живо рисует и напоминает былые картины его собственной лихости и молодечества; ни одна женщина, старая она или молодица, не может также быть спокойной зрительницей этой пролетающей мимо нее на конях орлиной молодежи, ясно припоминает лучшее время своей жизни и казака-героя, покорившего когда-то ее сердце. А дивчата — о, эти дивчата! Нужно быть очевидцем, чтобы наблюдать, как они на скачках ведут себя: не отрываясь ничем не отвлекаясь, они смотрят во все глаза и не могут вдоволь наглядеться на эту так захватывающую картину, тогда как девичье сердечко, словно пойманный воробушек, колотится у каждой в груди, готовое совсем оттуда выпрыгнуть.

И, наверное, есть на что здесь посмотреть. Ведь все эти станичные дивчата не какие-нибудь изнеженные городские девицы, никогда не видавшие лихой казачьей езды. Каждая из них всегда способна, когда нужно, вскочить на любую неоседланную лошадь и пронестись вскачь не одну версту по широкой степи, держась только за лошадиную гриву. Да и здесь на самых скачках, многие из них не побоялись бы сесть в седло и, взявши повода в крепкую, умелую руку, не хуже казака пронеслись бы в карьер перед этой многочисленной толпою зрителей. Однако, лететь на всем скаку через эти непреодолимые, казалось бы, препятствия, соскакивать с коня и опять на него взлетать, падать вниз головой, становиться вверх ногами и проделывать другие еще более удивительные номера казачьей джигитовки — нет, все это даже крепких нервами и сильных телом дивчат приводит иногда в испуг и забирает часто вскрикнуть.

Вот здесь-то, на этих скачках, куда обычно с'езжаются лучшие джигиты, избранные от трех соседних станиц, на доморослых, особо воспитанных и выученных кровных лошадях, и куда сходится посмотреть решительно вся станичная молодежь, именно здесь, больше чем где-либо, окончательно покоряется сердце молоденькой дивчины-казачки.

Так точно и сердечко черноокой Катруни, бывшее дотоле спокойным и для всех неприступным, было внезапно покорено и завоевано на таких скачках, а случилось это в минувшем году, на пятый день Пасхи.

*) Казаки-подростки (парубки) от 17 до 19 лет.

Санжа Балыков.

По Дону.

Хорошо плыть по Дону в жаркий летний день!.. Небольшой, чистенький пароходик „Пустовойтов“ шустро сечет тихую, широкую речную гладь. Прохладный, мягкий ветерок приятно ласкает лица пассажиров на палубе под парусиновым шатром. Живописные, ровные берега, обрамленные то кустами краснотала, то садами и огородами, то ветлами, там и сям раскиданными по берегу, с хуторами и станицами, привольно разбросанными то по самому берегу, то по далекому, просторному, степному горизонту, разворачивают перед взором родные картины.

Против каждой станицы пристань: два толстых, в обхват, столба, врытых глубоко в землю, деревянные сходни, досчатый сарайчик - конторка и растянувшийся ряд станичных торговок, вынесших „к пароходу“ лучшие изделия чистой, сытной, вкусной, станичной кухни. Тут все: жареные сазаны, куски баранины, жареные утки, куры, малосольные, пахучие огурцы, всевозможные вареники, пирожки, молоко, сметана, мягкий белый хлеб, яйца в крутую, чудное кислое молоко в махоточках... Все это на фоне громадных, белых „Царицынских“ и мелких, темнозеленых „Ажиновских“ арбузных куч и пряных ярко-желтых, серо-зеленых дынь...

Пассажирам всех классов не сидится в каютах. Все целый день толпятся на палубе, все перезнакомились и громко болтают. Молодой помощник капитана парохода то и дело пронзительным гудком сирены пугает пришедших на водопой стада коров и небольшие косяки станичных лошадей и тем потешает молодую судовую фельдшерицу, которая, жеманно кокетничая с ним, вот уже второй день, не читая, носит в руке томик Чехова.

Мне, единственному калмыку на пароходе, одиноко сидящему среди незнакомых лиц, еще ни с кем не познакомившемуся, так и хочется подойти и попросить у нее, дайте, мол, сестрица, вашу книжечку, ведь вам не до этого. А ведь могла бы дать, думается мне, такая она молоденькая и хорошенькая, что не представляешь, что она может отказать дать книгу. Но я не делаю этого.

Наконец, длинный день кончается, после Цымлы, все пассажиры идут по местам спать и тут-то я особенно начинаю чувствовать себя скверно: На мне, кроме гимнастерки, ничего нет, а спать на палубе, не имея ничего ни под собой, ни над собой, в прохладную ночь на речке не ахти как. Приходится вертеться возле трубы.

Вдруг, прерывая мою полудремоту, раздается надо мной: — Здорово станичник, какой станицы!?.

Передо мной, в сером ватном кафтане в распашку, в полинялом казачьем картузе блином, в пожелтевших черной шерсти шароварах с лампасами и в чириках поверх домашней работы белых носков, стоял старый. лет за пятьдесят, казак.

— Здравствуйте, я Денисовской станицы, — отвечал я.

— Цебека Мангатова знаешь?

— Знаю, мой сосед.

— Ну, как он, здоров? — постарел небось, двадцать пять лет уже не видел его, а был он мой лучший друг в полку, на одних нарах спали... Лихой был урядник. Ты что же не спишь — заговорил, видимо, словоохотливый старик.

— Холодно, укрыться нечем, — говорю.

— Ну, так иди ко мне, под моим кафтаном будем спать. Я встал и молча последовал за ним. Привел он меня в уголок нижней палубы, где, среди кучи веревок, каких-то цепей и ящиков, была разостлана белая полстинка.

— Вот мой кош, ложись — скомандовал он мне, указывая на постель. Да ты кушал, что-нибудь, — встрепенулся он вдруг.

— Да нет, деньги вышли, но выдержу. Ничего утром высаживаюсь в Романовской...

— Так на, с'ешь вот это, оно будет получше. С этими словами вынул казак из кармана сверток и протянул мне. Там оказался кусок вкусной, вареной колбасы, домашней работы, и кусок хлебной корки.

Я с благодарностью взял и начал уписывать.

— Подкормил тебя, надо же и напоить, — на, выпей всю, оставил на утро, да уж не стоит, — проговорил он, протягивая мне большую черную бутылку, наполовину с вином.

— Оно не старое, прошлогоднее только, старого жинка не дала на дорогу, — заметил казак.

— Как звать то тебя Сандже или Мандже и фамилия твоя? Я назвался.

— Ну, а меня Макарием Харитоновичем зовут, Морозов — моя фамилия, Семикаракорской станицы, — рекомендуется он.

— Ты, видно, на Германской не был, молод еще — переходит он на другую тему.

— Был, говорю, — в запасном полку.

— А теперь как?

— Теперь в своем калмыцком полку, командир взвода...

— Да ты разве офицер? То-то чисто говоришь...

— Нет еще не офицер, юнкер, но уже дважды представлен.

— Юнка-а-ры!.. — протягивает старик, — а что же без погон.

— Нигде не достану — говорю — да и производства жду скоро.

— Так, так, молодец. Теперя все у нас будет хорошо. Своим государством жить. Москва нам не указ. Не будут теперь наши казаки в Польше служить, у себя на Дону будут служить, в Таганроге, Сулине, в Черкасском, — заговорил старик уже на „политическую“ тему.

Малый!.. раздалось наверху с капитанского мостика.

— Пя-я-ять!.. кричал кто-то внизу, у носа.

— Самый малый!.. командовал капитан.

— Перекат должно быть, — прошептал замолчавший Морозов.

В это время пароход слегка ткнулся об что-то мягкое и стал.

— Задний!.. Полный задний!.. командовал капитан. Наткнувшись на мель, пароход начал пятиться назад, принимать в сторону, ища выхода.

— Эх, замелел наш Дон, с кажным годом перекатов все больше, а в старину ни одного переката с самого Аксайска до Чиров не было, — сокрушенно заговорил мой гостеприимный старик.

— Ничего, шлюзуют, — утешал я его.

— Не слюзуют, а деньги войсковые переводят, — убежденно отвечал он.

— А ты, господин юнкарь, знаешь чем загубили наш Дон?

— Нет.

— Ну, так вставай, идем, я тебе покажу.

Я встал и пошел за ним.

Привел он меня к отверстию над машинным отделением и, указывая пальцем на голого кочегара, выгребающего и выбрасывающего угольную золу, тоном, не допускающим возражения, сказал:

— Вот этим и загубили они наш Дон и рыб разогнали...

— Малый вперед!.. командовал уже капитан.

Пароход с трудом перевалил перекат и свободно тронулся вперед.

— Семь!.. кричал снизу.

— Полный!.. раздалось в ответ.

— Есть полный! откуда-то глухо донеслось еще.

Пароход заметно зачастил винтами, ускорил движение, мягко убаюкивая спящих пассажиров.

Высокое, темное небо, усыпанное мириадами искрящихся звезд, широко стлалось над Доном. Где-то впереди, далеко, далеко послышался гудок встречного парохода. Выпитое вино и теплый кафтан старого казака приятно грели мое тело и я блаженно засыпал.

С. Савицький. (*Бразилія*).

ГОТУЙМОСЬ ДО БУРІ!

Заграйте бадьоро козачі бандури,
Будіть у неволі заснувший нарід.
Розбуджений вами, розібє він мури
Неначе б то води на-провесні лід.

І буря козачого гніву зірветься —
За вчинені кривди, старі і нові...
І знов на степу кров ката поллється...
Ой, будуть, ще будуть степи у огні.

Хай ворог над нами сміється, кепкує,
Що-дня нас у ярма, у тюрми жене, —
Та вибухне нагло, як поломінь, буря
І хмари ті темні мечем розжене.

Очиститься небо і сонце засяє...
Готуймось до бурі, готуймось, брати!
Козак у неволі кайдани пиляє:
Гей, буде вам плата за кривду, кати!

Гнат Макуха. (*Югославія*).

***

Коли б Ти, Господе, із неба
Спитав, чого нам грішним треба
Сіромам тут на чужині, —
Одно, сказав би, дай мені:

Народ мій вільним повидати.
Тоді... тоді — хоч і вмирати...
Оттак даремно, — чи не так? —
Сумує тут старий козак.

Другий багацтва все бажає,
А де хто з долею все грає...
А я про волю все гадаю, —
Неначе з волею дізнаю

Я щастя... й прийде Божий рай...
Багацтво, щастя, — Рідний Край! —
Як брат на волі долю має...
— Сього душа моя бажає.

Харьковский процесс.

Нет большей неправды на свете, чем правда советская. С одной стороны — программа в. комм. партии, с другой — ее практика; с одной стороны конституция СССР, с другой — политическая действительность. Ложь московской политики в национальном вопросе никого уже не обманывает. Ясно поэтому, что единственным средством Москвы удержать под своею „высокою рукою“ все подвластные народы являлась и является грубая физическая сила — террор. Террор политический и террор экономический.

Разве теперешняя „коллективизация“, все змеиное жало которой направлено против Украины и Казачества, не является экономическим террором, цель которого — хозяйственно обессилить эти народы так, чтобы они не в состоянии были вести освободительной борьбы?

Разве систематическое „расказачивание“ Казакии, расстрелы и ссылки казаков или постоянная борьба с украинским национальным движением, — все это не тот же террор, имеющий все ту же цель — денационализировать эти народы и сделать их неспособными к дальнейшему сопротивлению московскому империализму?

В этом отношении последний Харьковский процесс над украинской интеллигенцией весьма показателен. Процесс этот даже на фоне советской действительности выделяется как составом „подсудимых“, так и соответствующей большевицкой аранжировкой. По существу, этим процессом совласть старалась оправдать перед „всеми“ свое дело уничтожения старой, идейной интеллигенции украинского народа, которая, оставшись там, придавленная оккупантами физически, не примирилась и не склонила духа своего перед диктатурою коммунистической идеи, широко интернациональной в теории и весьма узко московско-националистической на практике.

Из ежедневной прессы наши читатели знают, что в прошлом году совласть „открыла“ на Украине „Союз Визволення України“. В связи с этим было произведено много арестов (тысячи людей!). Предполагалось вначале привлечь к суду около 200 человек. Цифра эта сокращена была сначала до 100, а потом до 45. Остальные арестованные были ликвидированы или в застенках Г.П.У. или ссылкой в Соловки и прочие „не столь отдаленные места“. Приговор по делу 45 тоже уже известен. Во внимание к „признанию“ и „раскаянию“ „подсудимых“, никто из них не получил больше 10 лет тюрьмы (единственный, кажется, советский „большой“ процесс без смертных казней!).

Приговором этим (весьма „мягким“, с советской точки зрения) большевики отстранили значительную (интеллектуально) часть украинской интеллигенции даже от аполитичной, культурно-национальной работы среди своего народа. Но, не ошиблись ли московские комиссары в своих рассчетах?

Не подлежит сомнению значение этого процесса (даже с такими результатами!) в ходе освободительной борьбы украинского народа.

Этот процесс, явно „поставленный“ большевиками, свидетельствует все то же, — что не умирает на Украине, а растет и ширится идея освободительной борьбы с красными московскими оккупантами, идея Украинской государственной независимости.

Украинская эмиграция говорит, что современное положение интеллигенции на Украине сходно с положением патриотической интеллигенции Бельгии или Сербии, оккупированных во время Мировой войны немцами. Из опыта собственного, из опыта царствования большевиков в Казачьих Землях мы знаем, что это сравнение далеко не преувеличенное. Современная украинская интеллигенция т а м, на Украине, идет все тем же старым путем, который начат еще в начале XIX ст., прошел через Кирилло-Мефодиевское Братство, Товарищество Тарасовцев, РУП, Союз Визволення України... Уже одно то, что на скамью подсудимых посажены были, как борцы за национальное освобождение, преимущественно люди науки — профессора или возглавители украинской церкви, люди по привычкам и психологии своей далекие от активной политической борьбы, лучше всего свидетельствует о силе украинского национального движения. Только горячий патриотизм и невыносимо тяжелая ситуация Украины толкнули этих людей на дело, осуществить которое они были не подготовлены. Эти люди, говорит „П—І. Бюллетень № 2“, суть жертвы, какие Украинская Нация кладет на алтарь своих освободительных стремлений.

Несомненно также, что большевики хотели не только фактически уничтожить представителей украинской национальной мысли, но своим „показательным“ процессом дискредитировать и саму национальную идею в глазах украинского народа. В этом именно месте и смысле неприкрыто очевидна работа всемогущего Г.П.У. Думаем, что это им не удалось.

Только при помощи беспощадного террора царствует Московская советская власть на Украине, в Казакии и над другими народами, ей сейчас подвластными. Но действие вызывает противодействие: растет сила сопротивления оккупированных оккупантам. Приходится усиливать террор, так или иначе „обосновывая“ его в глазах внешнего мира. И кто знает, не является ли и Харьковский процесс только „оправданием“ очередного усиления „нажима“ и национальных гонений на Украине?

Инсценировка процесса и поведение совласти свидетельствуют одновременно и о том, что истинное положение вещей на Украине и отношение к ней там не является для Москвы секретом или неожиданностью; она, совласть, знает, что время национального освобождения близится, и что истории ей не остановить. И знает

она, соввласть, как знаем и мы, что никаким усилением террора или провокационными процессами нельзя отвратить неизбежного конца оккупантов.

Будут еще процессы, будут ссылки и гонения, будут казни? Да, будут. Будут до тех пор, пока не настанет час освобождения, пока народы, порабощенные ныне красною Москвою, не сбросят с себя это иго. Наши поработители не стесняются в средствах и приемах для удержания своего господства над нашими народами. Нам остается одно: соединенными силами всех народов, стремящихся к национальному освобождению и государственной независимости идти к скорейшему и действительному осуществлению наших идеалов.

Нашим соседям.

Завтра у наших соседей — горцев праздник. Праздник Горской государственности. Двенадцать лет тому назад, 11 мая 1918 года — горцы Северного Кавказа (Дагестан и правобережный Терек) провозгласили независимость Республики Горцев Северного Кавказа.

Как и казаки, горцы не смогли защитить молодой Республики, но, раз зажженное, 11-е мая, точно маяк в разбушевавшейся стихии национальной освободительной борьбы неугасимо продолжает светить и указывать путь борцам за горскую свободу.

В борьбе с красными московскими империалистами потеряли свою свободу многие народы, но ни один из них от нее не отказался, ни один из них не примирился со своим теперешним рабским положением. Тем более это относится к горцам, любовь к свободе которых является их национальным „отличительным“ признаком.

В трудных условиях рождалась горская государственность двенадцать лет тому назад. Эти горские трудности мы, казаки, знаем слишком хорошо, ибо в значительной мере это были и наши трудности. Весьма возможно, что эти трудности были причинами не только наших, но и горских неудач. Весьма вероятно также, что в будущем ни мы, ни горцы этого не забудут. Это позволяет нам сейчас, в день горского национального праздника, искренно, по кунацки пожелать им наискорейшего осуществления их политических стремлений.

Не будет совершенно преувеличением утверждать, что судьба горской государственности в значительной мере будет зависеть от того, как сложатся в будущем казаче-горские отношения. У казаков нет причин желать горцам меньше, чем себе. Думаем, что и горцы не откажутся быть нашими добрыми соседями. А добрыми соседями мы должны будем быть. Это — второе наше желание в день праздника 11 мая.

Горским же эмигрантам — скорее вернуться к себе на Родину и праздновать осуществленное 11 мая на родной и своей Земле.

Инж. **В. Бейсуг.**

„Пятилетка“ у нас.

IV. Сельское хозяйство.

Обзор пятилетки в наших Землях остается закончить рассмотрением той отрасли народного хозяйства, которое является, вернее уже явилась, Ахилесовой пятой всего плана. Мы имеем в виду пути, преднамеченные планом для развития сельского хозяйства. Если в промышленности и в других выше перечисленных областях большевики как то до сих пор справлялись с основными трудностями выполнения плана, то в сельском хозяйстве они с первых шагов стали терпеть неудачу за неудачей, заканчивающуюся отступлением в последние месяцы. Процессу современной сплошной коллективизации, потрясшему все народное хозяйство, мы надеемся уделить в ближайшем будущем отдельный очерк, т. к. он хотя и связан с пятилеткой, но все же формально представляет самостоятельное общественно-политическое явление. Сейчас же займемся рассмотрением того направления, в котором должно развиться сельское хозяйство согласно пятилетнему плану.

Общая площадь удобных и неудобных земель Северо-Кавказского Края составляет 29,5 милл. гект. На неудобные земли приходится 3,8 м. г. Общая площадь пашни составляла в начале пятилетки (в 1927/28 г.) 15,3 м. г.; 2,9 м. г. было занято сенокосами, 3,6 м. г. находилось под выгонами и 2,9 м. г. составляли площади лесные. План предполагает рост посевной площади как через доведение общей площади удобных земель до 25,9 м. г., так и через производительное использование 158 тыс. г. земель неудобных. В результате этого площадь пашни должна была бы вырасти на 800 т. г. и составлять к концу пятилетия 16,09 м. г.

В связи с климатом и почвенными возможностями Северо-Кавказский Край является одним из основных сельско-хозяйственных районов СССР. Благодаря относительному многоземелью Края, его сельское хозяйство носит явно товарный характер. В сравнении со всем СССР, Край еще в 1927 г. давал 16,7% посевной площади пшеницы, 17,1% — ячменя, 29% — кукурузы, 30% — подсолнуха, и почти половину площади табачных плантаций Европейской России. Вот почему состояние сельского хозяйства Края в течение пятилетки имеет такое существенное значение для проведения в жизнь всей соответствующей части плана.

Проблема роста зерновой продукции решается по плану такими мерами: 1) ускорением роста производственных элементов (посевной площади и тяговой силы), 2) увеличением производительности труда путем поднятия урожайности, 3) мерами агро-техническими и 4) построением новых форм сельского хозяйства, т. е. совхозами и колхозами, которые вопреки тому, что ныне опровергла жизнь, должны „способствовать более интенсивному росту производительных сил, усилить позиции обобществленного сектора, и освободить индивидуальное крестьянское хозяйство(!) от влияния капиталистической верхушки деревни, предоставив ему тем самым широкие возможности (вплоть до Соловков?) развития при руководящем влиянии социалистического сектора хозяйства“. Полеводство Края в основном должно со-

хранить свое зерновое направление с некоторым повышением роли пропашных и технических культур и повышением озимого клина.

По отдельным культурам авторы пятилетки в наших Землях запроектировали максимальное увеличение посевной площади кукурузы — на 71%; далее идут зерновые — на 31,1% (с 8230 т. г. в 1927/28 на 10.791 т. г. в 1932/33 г.) и масличные — на 22,8%. Из зерновых главное давление должно по плану производиться в форму повышения % озимой пшеницы за счет снижения удельного веса пшеницы яровой (принимаются во внимание засухи в некоторых районах Сев. Кавказа).

Общий сбор зерновых и масличных должен дать по плану пятилетки 13213,1 т. тонн, или сотавлять 239,4% по отношению к сбору 1913 г. (смело!). 42,3% всего сбора должны дать совхозы и колхозы (на эту цифру обращаем внимание читателя: при современной спешной коллективизации дело пошло уже на все 100%, а не на 92,3%, как это проектировано в пятилетке).

Значение сельского-хозяйства Края увеличивается в рамках СССР еще больше, если мы обратим внимание на исключительный рост товарности сельского хозяйства: в то время как валовая продукция к концу пятилетки должна вырасти на 139,4%, товарная продукция должна вырасти на 320,7% (с 1755 т. тонн на 7383,4 т. т.), перерости довоенный уровень на 30% и дать на душу населения 9,1 центнера против 7 ц. в 1913 г. и 2,4 ц. в 1927-28 г. При этом прирост товарного излишка пшеницы, как наиболее ценной экспортной культуры, должен по плану равняться 415%, а ячменя даже на 907% (!). Этим путем Северный Кавказ ставится по товарности зернового хозяйства на второе место в СССР (17,8 милл. цент., Украина — 17,9 м. ц.). 80% излишков Края предназначаются к отправке за границу, в то время как покрытие потребности СССР возлагается на Казакстан, Сибирь, Урал и т. д.: „Украина и Сев. Кавказ к концу пятилетия должны будут перестать играть роль поставщиков зерна в центральные области и превратиться в экспортные районы по преимуществу, в то время как снабжение центральных областей ляжет на плечи Поволжья и более далеких восточных районов страны". Это меняло бы совершенно географию товарообмена в Казачьих Землях, т. к. снабжение Средней Азии лежало до сего времени на Северо-Кавказском Крае и Средне-Волжской области, в то время как к концу пятилетки в Среднюю Азию должно было бы вывозиться от нас 10%, в Центр. Россию — 10%, а все остальное количество идти через порты Азовского и Черного морей за границу.

Как мы уже говорили выше, одним из условий выполнения этих заданий авторы плана считают поднятие урожайности. Т. к. сортирование зерна триерами по опытным данным повышает урожай пшеницы на 5%, то эта мера заводится с текущего года в качестве обязательной по всему посевному материалу. Также обязательным об'является в этом году и протравливание посевного материала, заведенное с 1928 г. и должное дать увеличение посева на 2,5%—5%. В дальнейшем эта мера останится обязательной лишь для явно зараженных районов. Дальнейшей мерой является внедрение сортового зерна, фактически у нас почти переветшегося. План предполагает снабдить им 64% посевной площади, но по подсолнечнику даже 100%. На все 100% должно быть проведено в течение 5 лет и снабжение рядовыми сеялками.

Все эти меры, как и заведение в засушливых районах зяблевой вспашки, завоз пропашников, расширение паров и т. д., могли бы действительно поднять урожайность, но... к сожалению и здесь имеется надежная страховка на неуспех в виде следующих двух положений: „проблема урожайности есть проблема народно-хозяйственная и вместе с тем — проблема классов", и „вдохновителями и примером в проведении агротехнических мероприятий должны быть совхозы и крупные коллективные хозяйства", — отсюда ясно, к чему сведутся все перечисленные меры... А между тем, урожайность в наших Землях остается до сего времени по признанию самих же большевиков на 10—15% ниже довоенной. Поднятие средней урожайности на 37%, как предполагает план (кукурузы даже на 59,2%) остается т. об. весьма проблематичным.

Одним из моментов, долженствующим коренным образом изменить общественное лицо сельского хозяйства и „поставить его на путь социалистической реконструкции", должна явиться по плану тракторизация. Трактор должен быть тем „революционным фактором"(!), вокруг которого будет производиться укрупнение и об'единение бедняцких и середняцких хозяйств. Поэтому план предусматривает доведение количества тракторов в пределах Края до 30.000 штук, а прицепных машин к ним — на 75 милл. р. Это означает ушестерение количества, имевшегося в 1927 г. Вся масса поступающих тракторов должна распределяться между сельско-хозяйственными предприятиями исключительно общественного, но не частного характера, с целью их укрепления и постановки на техническую базу. Площадь земли обрабатываемой механической тягой должна в связи с этим дойти к концу пятилетки до 5 милл. г., т. е. дать прирост в 550%.

Значение живой тягловой силы всеми этими мерами не уменьшается: нагрузка на одну рабочую силу все равно остается весьма большой в связи с острым недостатком рабочего скота и, кроме того, план предполагает переброску части живой тягловой силы в специальные отрасли земледелия.

На всю остроту вопроса в деле снабжения населения с.-хоз. машинами авторы пятилетки при всем желании не могли закрыть глаза. В условия Северо-Кавказского Края, где периоды пахоты, сева и уборки коротки и своевременная обработка резко влияет на повышение урожайности, недостаток инвентаря чувствуется особенно сильно. Вот что по этому поводу мы находим в официальном советском источнике: „Как же снабжено сейчас с.-хоз. инвентарем? Крупная машина вообще недоступна мелкому единоличному хозяйству. Чуть ли не половина (41%) всех хозяйств края вообще не имеют своего инвентаря (!), у большей половины (56%) отсутствуют пахотные орудия (!) и лишь пятая часть (15%) обладает машинами по уборке хлебов. Если к этому добавить, что кулацкая часть населения, которая составляет 5·9% всего крестьянского населения, является владельцем $^1/_3$ всех имеющихся в крае машин, то картина слабой обеспеченности будет ясна". Выход из этого положения авторы пятилетки видят в коллективном использовании машин, — отсюда коллективизация, о которой мы со временем поговорим отдельно. Сейчас скажем лишь, что распределение вновь поступающих машин должно по плану производиться в первую очередь между коллективами.

В области снабжения края с.-хоз. машинами план возлагает большие надежды на производство сельмашинстроя в Ростове, о котором мы упоминали раньше. Наибольший % роста дают орудия по посеву, потребность в которых наиболее велика. Количество орудий по обработке почвы не доводится даже до довоенных размеров, в виду ожидающихся поставок прицепных машин к тракторам.

В проблеме снабжения населения с.-хоз. инвентарем не малое значение должен иметь по плану т. наз. машино-тракторные станции. По теории суть их заключается в следующем: с группой крестьян, колхозом, целым селом или даже несколькими заключается договор, по которому население передает свою землю для обработки станции и участием при этом своим трудом; основные работы, как пахота, сев, боронование, молотьба и т. д. проводятся машинами станции, население же несет все обслуживающие работы по станции и часть работ в поле; „рулевые" подготавливаются обычно также из состава населения; станция должна снабжать население сортовым зерном, производить обработку, используя научный опыт и вести правильный севооборот; плата за обработку для крестьян покрывается излишками повышенного урожая. (?) При этом границы отдельных участков уничтожаются и станция для сокращения переброс трактора работает на больших участках до 40 т. гект.; земля для этих целей делится на участки в 4—5 т. гект. с обслуживанием их отдельными „тракторными бригадами" из состава машино-тракторной станции. В результате устройства та-

ких машино-тракторных станций авторы пятилетки ожидают в соответ. районах освобождения излишков рабочей силы и рабочего скота, что должно дать возможность применить их в трудоемких хозяйствах: огородах, садах, молочном скотоводстве и т. д. Задумано, как видим, все это чрезвычайно гладко и заманчиво. К концу пятилетия машино-тракторные станции должны по плану обрабатывать около 2·5 м. гект., или пятую часть всей посевной площади края, и создать „мощный (?) социалистический фундамент в сельском хозяйстве".

В рамках общей с.-хоз. эволюции в течение пятилетки авторы плана предвидят широкое распространение специальных отраслей сельского хозяйства. Но и здесь полунатуральный потребительский строй должен смениться товарным. Недостаток посадочного материала, специального инвентаря, неподготовленность населения и пр. ограничивают однако возможности развертывания этих отраслей, и авторы пятилетки оказываются здесь в своих заданиях довольно „скромны": площадь огородов должна увеличиться на 131·9%, садов — на 105%, виноградников — на 114% и технических культур — на 260·4%. И вот в этой области основным методом проведения в жизнь плана должна явиться коллективизация, ибо „до революции и в значительной мере до настоящего времени специальные отрасли земледелия были привиллегией преимущественно зажиточных слоев деревни". Путем создания производственных коллективов для обработки огородов, виноградников и садов вес обобществленного сектора (понимай „награбленного добра") по специальным отраслям земледелия должен значительно увеличиться, давая 40% к общему итогу.

Упомянем теперь о путях в пятилетке т. наз. „совхозного строительста". Специально о том, что собственно представляют из себя совхозы, мы надеемся поговорить в ближайшем будущем, одновременно с темой о коллективизации. Сейчас же скажем, что пятилетний план предусматривает в Северо-Кавказском Крае строительство ряда и этих „фабрик зерна", в соответствии с наличием у нас достаточного количества неосвоенных земель. Основная масса посевной площади совхозов отводится под зерновые хлеба: из общей суммы в 627 т. г. 419 т. г. приходится на засев пшеницы, 83 т. г. — ячменя, 65 т. г. — ржи. Общий сбор совхозного зерна к концу пятилетия запроектирован в 68938 т. цент., или в 5,8% всего сбора Края. Товарного хлеба колхозы, по мнению авторов пятилетки, должны дать 61366 т. центнеров, или 37,2% всего задания совхозам РСФСР и Украины. Среди огромных совхозов в 40-50 т. г. выделяется своими гиганскими размерами Сальский совхоз в 120 т. г.

Посмотрим теперь, в какие формы выливается пятилетка во второй после полеводства основной отрасли схозяйств нашего Края — в животноводстве. В 1927/28 г. общая сумма выручки от реализации продуктов животноводства составила 107 м. руб., или 47,7% от общей стоимости товарного отчуждения станицы. Неудивительно поэтому, что и в пятилетнем плане его авторы не мало поломали голову над изысканием путей развития животноводства, тем более, что индустриализация лишь повышает промышленный и потребительский спрос на его продукты. И все же современное состояние животноводста у нас столь плачевно, что и к концу пятилетия авторы пятилетки не надеятся довести численность стада до военного уровня. Отставание идет особенно за счет лошадей, численность которых не превышает 44% довоенной (какие потери потерпело коневодство в результате одной войны!). По отдельным категориям скота план проектирует следующий рост: численность лошадей — на 41.2% (до 2,2 м. голов), крупного рогатого скота — 22.2% (6,4 м. г.), свиней — 56,1% (2,1 м. г.), овец и коз — 38,2% (8,9 м. г.) Дефецит живой тягловой силы план надеется покрыть тракторами. В структивном отношении план повышает значение наиболее интенсивных видов животноводства свиней и коров. Для проведения плана его авторы считают необходимой широкую государственнную помощь. Сумма государственных вложений в животноводство должна составить за пятилетие 119 м. р., расходуемых на племенной скот, контрольные союзы, выставки и т. д.

Вопрос о кормовых средствах решается, как ростом зернового хозяйства, так и увеличением площадей сеянных трав с 79,5 т. г. на 537,7 т. г., осуществлением в широких размерах силосования кормов, организацией показательного кормления и т. д. В итоге предполагается, что об'ем продукции животноводства возрастет с 344 м. р. до 526 м. р.

За недостатком материала мы не можем остановиться подробно не проектируемых планом мероприятиях в других отраслях сельского хозяйства. Упомянем только что план намечает постройку еще 195 элеваторов и 44 холодильников для сохранения животноводческой, рыбной и фруктово-овощной продукции.

На все виды с.-хозяйства в сумме отпускается 963 м. руб.

Обнимая пятилетку по схозяйству в целом, можем констатировать и здесь систематическое проведение постановления XV с'езда ВКП о том, что надо стремиться к „непременному систематическому повышению удельного веса социалистического хозяйственного сектора". Если принять во внимание, что пятилетка ставит заданием поднять удельный вес „обобществленного сектора" по животноводству с 0,4% на 5,5%, по посевной площади с 16% на 45%, по воловой продукции с 4,7% на 39%, а по товарной продукции даже на 55%, то слова о том, что „строительство в советской стране крупных схоз. предприятий общественного характера происходит не путем разорения и пожирания мелких и мелчайших хозяйств, а путем одновременного содействия, развития и поднятия их к высшему уровню техники и культуры", — являются странным привеском к плану и противоречат всему духу пятилетки.

(Окончание следует).

Др. **Эренджен Хара-Даван.**

Тупики и исходы русской революции.

II.

Революции в истории народов являются периодически, а социальные революции, как русская, знаменуют собою переход в новую эпоху.

Чтобы более верно наметить пути соврем. СССР. обратимся к аналогичным явлениям и признакам во всемирной истории.

Позволю себе предварительно сделать одно замечание относительно изучения судьбы русской национальности. Русская история изучалась очень долго точно какой то своего рода процесс в самом себе, независимый от всего окружающего мира, со своими особыми законами существования. Одновременно и по той же причине образовывались все нити, которыми русская история связана с историей других народов.

Между тем, Россия по своему географическому положению находится между античными культурами востока и запада, на великом пути переселения народов, и она не могла быть изолированной от влияния других народов. Однако, русская история никогда не трактовалась, как составная часть всемирной, между тем как на самом деле она очень характерная и крупная часть всемирно-исторического круга событий.

Историческая закономерность судеб великих империй тождественна в своих общих чертах, хотя ни один из исторических примеров целиком не совпадает с данными, как это и следует в истории, в которой нет буквальных повторений.

Сперва рассмотрим случаи расцвета и гибели двух величайших империй античного мира — греческой и

римской, и приведем исторические аналогии, выявившиеся в истории двух позднейших великих империй: средневековой Монгольской и современной Российской.

Все эти империи характеризуются тремя крупными периодами развития в их истории. Первое, — накопление потенциальной энергии национальности и формирование однонационального государства; второй, — период империализма с колониальными войнами и присоединением чуждых им по крови и культуре народов; это — период полного расцвета национальности, который у всех очень не долог; третий, — период упадка господствующей национальности, ее культуры и распадение империи на свои составные национальные части, когда угнетенные нации освобождаются и вступают на путь национального возрождения.

Две древнейшие нации античного мира — греческая и римская, при всем различии данных, испытали в конце концов одинаковую судьбу. Греческая культура была культурой знания, идеал ее — мудрец; культура же римская — культура права, идеал ее — гражданин, герой. Героический период у греков сосредотачивается около борьбы с персидской империей и олицетворяется в лице Александра Македонского; для римлян — около войн пунических. Под влиянием внешней грозной опасности эти нации развертывают необычайное богатство сил, неслыханную боеспособность. В разных областях государственного строительства, военной техники и литературных созданий нации эти обнаруживают величайшую самоуверенность, быстро и нервно изобретают, если и заимствуют, то не чувствуют себя обязанными учителю, а применяют заимствованное точно свое, гордятся своей национальностью превыше меры, весь остальной мир трактуя как варварство.

Вот характерные черты первого периода развития этих империй. Затем наступает для этих наций второй период — эпоха империалистического расширения. Империализм составляет видимое продолжение национализма, это своего рода полет на крыльях национальной энергии, но его результаты — ослабление этой энергии, растворение национальности, исчезновение ее нервной, ее духовной мощи.

Этот факт особенно заметен в судьбе греков и римлян, также как у монголов и великоруссов. С расширением их империй, вторгаются чужие люди, костюмы, вкусы, обиход жизни. Появляется великий спрос на чужие обряды, верования. Литература и школа принимают оттенок космополитический. Все иностранное, иноверное начинает казаться милее, интереснее родного, отечественного; своего патриархального, традиционного стыдятся, свое презирают.

Конечно, очень много значит в этом падении национальности факт внешнего физического растворения. Рождаемость нации далеко не поспевает за ростом территории в Империи, в колониях, которые завоевывает господствующая нация; она разрежает свой состав. Нация перестает быть плотным единым телом; смешанные браки изменяют ее состав. Правда, она много навязывает покоренным, она ассимилирует другие малые нации, она достигает больших эффектов распространением государственного языка, привитием, своей школы. Но еще больше, может быть, господствующая нация берет у подчиненных, еще больше она варваризуется, денационализируется, а затем важную роль играет переход завоевателей на мирную ногу.

Воители и странствующие торговцы превращаются в землевладельцев и бюрократов. Само общество глубоко видоизменяется одновременно с ростом империи. Это изменение мы называем демократизацией, уравнением сословий; оно выражается в исчезновении старых корпораций, разных сословий, привиллегий и преимуществ рождения. И в Греции и в Риме самый выдающийся факт из этой области — это гибель наследственной аристократии (служилого класса), соответствующей нашему дворянству (в Греции — всадничество, в Риме — нобилитеты, в России — служилое дворянство) и только тут в момент гибели этой старинной корпорации становится видно, какую существенную роль она играла в образовании и защите национального государства.

Теперь посмотрим, что происходит во время упадка в области духовной и материальной культуры. Несомненно выше и тоньше становится техника, военные сооружения, но ко всей блестящей внешности не хватает вдохновения. Общественные нравы падают, храбрость, самоотверженность и честность уступают место трусости, эгоизму и взятничеству. Исчезновение национальной терпкости и остроты, космополитическая интернациональная вялость расслабляет и парализует деятельные силы нации...

Как будто эти два процесса, культурный и национальный, идут параллельно, но противоположным ходом: один вверх, другой вниз. Ничего национально-греческого и национально-римского нет в беллетристике и философии эпохи. Когда-то господствовавшие великие нации начинают исчезать: в должностях в управлении, в военном командовании, в литературе выдвигаются инородцы, как в России — немцы, у монголов — персы, китайцы и татары. В эпоху Константина и Феодосия ни греков ни римлян уже не существует как национальности. Здесь перед нами картина безвозвратной гибели национальности.

Но некоторые народы мы видим, могут возрождаться и вновь. Персия два раза возрождалась. Если их первой эпохой расцвета считать время Ахеменидов VI и V в. до Р. Х., то после разгрома, после македонского и парфянского чужеземного владычества в течение 5 веков слишком, происходит второе возрождение при Сассанидах в III в. по Р. Х. Новоперсиянская империя существует 4 века. Затем происходит второе завоевание, вторая гибель персидского национального государства под натиском кочевников — степных арабов, — которые им приносят ислам.

Пятисотмиллионный Китай, насчитывающий около пяти тысяч лет своей исторической жизни, пережил много периодов своего расцвета и упадка, когда ими завладевали немногочисленные монголы в эпоху своего расцвета.

Монголия при Чингис-хане и его наследниках пережила 2 века своего расцвета и вот уже переживает 6 веков своего упадка. И только теперь мы видим признаки ее пробуждения вместе с народами Азии.

В истории монголов мы видим процессы, аналогичные с выше приведенными из истории Греции и Рима. Когда Чингис-хан об'единил все кочевые племена Азии в одно государство, единое по крови, культуре и быту, нам казалось бы целесообразнее дальше этого не идти, но историческое развитие народов имеет свои неумолимые законы, подобно тому, как человек должен пережить свое детство, юность, зрелость, чтобы впасть в дряхлую старость.

Монголия выходит из своих этнографических границ, переживает свой период империализма, завоевывает чуждые ей по крови и культуре народы востока и запада, сама в них расплываясь и денационализируясь. В Китае они, начиная с Кубилай-хана, китаизируются; в Персии наследники Чингис-хана подпадают под влияние чуждой им культуры и принимают мусульманство; в Золотой Орде Чингисханиды и монголы отатарились и приняли мусульманство. Победоносные воители перешли на мирную жизнь, налаживая государственный аппарат в обширных своих колониях, подвергаясь расслабляющему действию старых культур китайцев и персов. Нет пафоса борьбы, замедлился пульс национальной жизни, наступают сумерки... Как следствие этого мы видим упадок национальности и разложение монгольской империи, занимавшей $^4/_5$ старого света, и распадение на отдельные свои составные национальные государства. Монголы после блестящего своего расцвета сошли с исторической сцены и впали в упадок, но после себя оставили два великих наследия: на востоке впервые ими об'единенный Китай из дотоле трех независимых, но однонациональных государств Тангут, Цзинь и Сун, а на западе — Московскую Русь.

Московская Русь Ивана III и IV представляла из себя впервые об'единенное самостоятельное государство одной русской национальности. И здесь повторяются те же аналогии, приведенные выше из истории Греции, Рима и Монголии. Московская Русь не хочет ограничиться этим и начинает свой империалистический период. Иван Грозный завоевывает чуждые ему по национальности и культуре остатки Золотой Орды — Царства

Казанское и Астраханское. Знать татарская неудержимо вливается широкой волной в русскую правящую аристократию. Один татарин, Борис Годунов, доходит до русского престола, а принц Ордынский, потом св. Петр, причислен к лику православных святых. Татарская более высокая культура, чем русская того времени, широко влияет на Русь. Здесь не место говорить об этом подробно (о влиянии монгольского ига см. книгу автора „Чингис-хан и его наследие"). Завоевательные, колониальные войны перебрасываются за Волгу и Урал.

Периодом расцвета русского государства, его героическим периодом, когда империализм достиг своего апогея — это время Петра I, а в особенности Екатерины II. Петр сам, а у Екатерины ее „орлы", с Суворовым во главе, расширили границы империи до максимума. После этого, в первой половине XIX в., наблюдается некоторый застой. Во время войн с поляками в 30-годах и во время венгерской кампании в 40-х годах, мы видим „отсутствие воли к победе", отсутствие пафоса борьбы, которыми обладал период Екатерининский. С 70-х годов XIX в., а именно со времени Крымской кампании обнаруживаются признаки упадка: вышесказанные отрицательные качества обнаруживаются рельефно и начинаются „сумеречные десятилетия" для русской армии, по выражению Салтыкова. В то время, когда войска одержали победу в Балканской войне, русское правительство упадочного периода остановило свои войска у ворот Константинополя у Сан-Стефано, испугавшись ультиматума и флота английского, чтобы заключить на Берлинском конгрессе позорный для себя мир.

Самые яркие примеры упадка Россия выявила в Японскую войну, когда маленькая Япония, но в периоде своего национального расцвета, разбила великую Россию, находившуюся уже в периоде упадка. В европейскую же войну выявились черты полного развала великой империи. Говорят, война рождает героев, я добавил бы, — во время национального расцвета. Так екатерининские войны дали плеяду полководцев во главе с Суворовым, а все войны, начиная с 30-х годов XIX в. до сих пор не дали ни одного подобного ему полководца.

Полнейший развал государства подтверждает то, что достаточно было перебросить из за границы около 200 голодавших там эмигрантов — большевиков, чтобы без попытки к сопротивлению со стороны бывшего правящего класса дворян, бюрократии, землевладельцев и банкиров, они могли взять государственную власть при помощи уставших воевать солдат.

Мы здесь видим аналогичные явления, которые мы констатировали при упадке национальности и культуры греческой, римской и монгольской империи.

Принято говорить, что русская культура до Петра I была „самобытной". Позволю себе с этим согласиться лишь относительно. На заре русской культуры мы видели, что в ее создании участвовали варяжские князья со своими дружинами, хотя это была скорее культура „гостинного двора и наемников караванов"; затем — византийское православие и около 300 летнее владычество монголов, давшее Руси свою великодержавность и ханат (самодержавие). Монголы влияли на русский быт, характер и обычаи, с ними кровно сливаясь настолько, что по своему био-химическому коэффициенту (1,3) она ближе и родственна к коэффициенту крови монголо-тюркских народов (1,5), чем к коэффициенту крови южных и западных славян (2,5), которые ближе к коэффициенту романо-германских народов (3,5). Эти открытия медицины устанавливают, что „родство славянской крови" — миф.*)

Из татарской школы вышло царство Ивана Великого, как птенчик из яичной скорлупы на широкую дорогу великодержавности и национальной „самобытной" культуры.

Не долго продолжалась эта самобытность блестящего государства Ивана III и IV, она рушится не от внутренних причин, а под давлением западно-европейской техники, хотя бывших в руках слабых (? ред.) наций как поляков и шведов. После смуты, московские политики пытались модернизировать свое национальное государство на новый лад и тем (? ред.) стали на путь упадка: все больше у них вырабатывается пренебрежение к своей культуре и преклонение перед одолевшим их западом. Восстановленная держава, при уменьшенных средствах, организуется по европейскому образцу с бюрократией, бюджетом, постоянным войском, для чего понадобился кадр иностранцев-спецов, а в качестве одной из бюрократических форм утверждается до сих пор незнакомое Востоку и сложившееся под влиянием капитализма — крепостное право.

Теперь посмотрим, что мы видим в области духовной культуры.

Петр I был неистовый „западник", со слепой верой в их машину и в их указку. Наплыв чуждого просвещения заставляет забыть все свое, старинное.

Постепенно бюрократизированные государственные верхи отделяются от народной массы; в то же время образованное общество привыкает смотреть на государство, как на внешнюю постороннюю силу. Этого разобщения общества и государства, интеллигенции и народа не было в XVI в. Странно звучит на первый взгляд, если сказать, что Курбский и Грозный были по вкусам, складу понятий, образу жизни ближе к простолюдину своего времени, чем в наш демократический, но сильно европеизированный век, товарищ-комиссар из полуобразованных горожан к крестьянину. „Окно, прорубленное в Европу" Петром I-ым превратилось в широкую дверь, куда сильно подул вольный ветер нигилизма, атеизма, социализма, интернационализма и прочих „духовных ценностей запада", пока он не превратился в революционную бурю коммунизма, этого последнего детища европейской культуры (? ред.). Русская революция есть прямое последствие периода копирования европейской культуры Россией (? ред.), начатое Петром и доведенное до ее логического конца Лениным.

(Окончание следует).

*) Одно из весьма спорных утверждений евразийцев, т. к. понятие „славянства" не исчерпывается близостью или отдаленностью величин био-химических коэффициентов. Ред.

Ис. Быкадоров.

От Сватикова к Короченцеву.

Самым ценным трудом по Истории Казачества вообще, по истории Донского Войска в частности, является труд проф. С. Г. Сватикова — „Россия и Дон", написанный автором на Дону и изданный на средства Донской казны заграницей в 1924 г. Примитивность, энциклопедичность изложения вводной части о происхождении казачества, совершенно неверное не отвечающее исторической действительности, не уменьшает все же ценности той книги. Значимость труда прежде всего в систематичном изложении документальных данных с 1549 г. по 1917 г.; из них многие только впервые напечатаны. Не меньшая, конечно, ценность и в научном освещении их. На средства Донской же казны Донским правительством изданы три книги Донской Летописи (1924 г.) Вот и все. Между тем вывезен Донской Архив, находившийся до сего времени в исключительно благоприятных условиях, но тем не менее по истории Донского Войска Донское правительство не сделало дальше ничего. И вот этот пробел, повидимому, и должны возместить „Очерки Истории Казачества" В. Короченцева, напечатанные в „Родимом Крае" (№ 2—10).

„Очерки" эти изложены так, как будто бы даже труда проф. Сватикова еще не существовало. Написаны они или на память, или автор никогда не читал и

не видал даже таких ценнейших материалов по истории Донского Войска, как материалы, напечатанные в Русской Ист. Библиотеке, т. XVIII (1898 г.), т. XIV, XVI, XVIII. Печатание „Очерков" в „Родимом Крае", в официальном органе Донск. правит., придает официальность или официозность тенденциям, проводимым в „Очерках". Это и заставляет нас остановиться вкратце на этом труде.

Уже в I-й главе: „Происхождение и древний период", автор впадает в противоречие с самим собою; автор говорит: „И, все-таки, до начала 16 века он (Донской край) был пустынным, поселения были случайного характера, а таких, которые вели бы свою долгую непрерывную историю — не существовало", а ниже через страницу, говоря об образовании Московского Государства (XIII—XV в.), он же говорит: „В это время община эта (казачья народность?) уже называлась Донским Войском и члены ее — донскими казаками". Далее, г. Короченцев признает существование донских казаков и участие их в Куликовской битве (1380 г).

Откуда же появились эти казаки, каково происхождение их, где они жили? Автор очерков производит их от великорусского народа, но казаки появились, как признает и сам г. Короченцев, значительно ранее образования самой великорусской народности. Существование Казакии, Тмутараканского княжества, существование в то время и позже городов по Дону — Руссии (Артаны, позже Азова) Орнаса, Ахаса, Балина, Чешлюева, Сугрова, Осенева, Шаруканя (Саркела); существование бродницкой народности, области Черленого Яру, Сарайской и Подонской епархий — все это, видимо, автором считается измышлением журнала „Вольн. Казачество". С таким освещением прошлого казачества до исторической действительности не добраться. Об'яснить это можно только незнанием г. Короченцевым древнего периода Истории Казачества, вследствие не знакомства его с соотв. историческими материалами.

Но искажения во 2-й гл.: „Ермак. Образование Терского и Яицкого каз. Войск", нельзя об'яснить незнанием материалов. Сведения г. Короченцева об Ермаке Тимофеевиче до 1577 г. по большей части — фантазия самого автора.

Тенденцией очерков является оправдание некоторых исторических казачьих лиц и событий перед Москвой и в доказательстве, что Казачество только и думало, как бы „послужить" Москве.

В 1569 г. было более крупное историческое событие в пределах Казакии, чем обычные нападения крымских и ногайских татар, чем это думает и на чем останавливается автор „Очерков": поход турецкого войска (до 80 т.) и флота (300 суд.) к Волго-Донской переволоке. Событие это — исключительного значения, несмотря на то, что поход турок окончился для них катастрофой.

Причины участия донских казаков в покорении Казани — „лишь бы бить басурманов" — изложены слишком примитивно. С этой главы начинается художественная фантазия (собрание Войска в Раздорском городке).

„Очерк" не художественное произведение, не исторический роман или повесть, а должен бы быть изложением фактических событий. Автор „Очерков" этого не придерживается. Причины образования Войск — фантазия г. Короченцева.

„Смутное время и Казачество" (гл. 3) представляется исключительным по изложению. Начать с того, что допущены просто школьнические, ученические ошибки. Исправим их — за царем Федором Ивановичем была замужем не дочь Бориса Годунова (по Род. Кр.), а сестра его Ирина; дочь Бориса Годунова звалась не Ириной, а Ксенией. В этой главе автор особенно старается „оправдать" участие казаков в событиях Смутного времени. События вообще не требуют оправдания, а освещения и уяснения и в определении их целесообразности с известной точки зрения.

Автор очерков часто дает определение казаков той эпохи: „простые и нелицемерные, безхитростные люди..." Смеем думать, что казаки в событиях Смутного времени разбирались далеко лучше, были мудрее и интересы Края блюли больше чем автор очерков. Достаточно изучить Донские дела и дела Турецкие,*) чтоб убедиться, что донские казаки XVII в. умели отстаивать интересы Края.

Утверждение автора, что все донские казаки в 1604 г. ушли на Дон и не участвовали в событиях Смутного времени до 1611 г., исторически не верно — участвовали и были в составе отряда Заруцкого.

Для читателей „Р. К." интереснее было бы, если бы автор „Очерков" взял у проф. Сватикова сведения о Смутном времени и изложил их конспективно, а не преподносил в „Очерке" фантастические картины с описанием стояния атам. Межакова на кургане во время битвы и изложения прочитанных автором в это время его мыслей (особый дар автора?). Не об'яснил автор и того, почему кандидатом казаков на Московский престол явился Михаил Романов, а не кто иной.

Азовский период (гл. 4) изложен уже, что называется, по-кавалерийски. Из освещения здесь видно, что Донских и Турецких дел автор никогда не читал, а без этого исторического первоисточника, конечно, период этот исторически правдиво и достойно истории казачества изложен быть не может.

Взятие Азова обрисовано довольно обстоятельно в Военном Энциклопед. Лекс. т. I (1837 г.).

Фамилии атаманов, Наума Васильева и Осипа Петрова, видимо, неизвестны автору „Очерков". Васильев и Петров, не фамилии, а отчества. Как видно из Донских Дел, фамилия первого была — Шелудяк, а второго — Калуженин.

Конечно, двойственная, а часто двуличная политика Москвы к Донскому Войску не выяснена, не обрисована автором.

Дальнейшие события, которых касается г. Короченцев мало освещены (гл. 5). Монастырская резня произошла не осенью 1644 г., а в начале лета 1643 г. Исторически устанавливается следующее, что, повидимому, неизвестно г. Короченцеву. В 1642 г. донские казаки (под давлением Москвы) очистили Азов; в том же году его заняли турки и стали укреплять, а в следующем году собрали большие силы, конное и морское войско, и двинулись к Черкасску — и в результате похода овладели и сожгли г. Черкасский, Монастырский (Нижний) и Маныч, а Бесергенев казаки были вынуждены сами бросить. После разгрома, казаки собрались в Раздорах, дали достойный отпор врагам и заняли пепелища своих покинутых городков. Причиной „Монастырской резни" было не „утомление от буйного веселья", как думает автор очерков (т. е. не перепой), а двуличная политика Москвы, приведшая к потере Донским Войском $^1/_2$ своих бойцов за Азовский период.

Ключ к пониманию тенденций автора, призма, через которую он освещает историческое прошлое Казачества, находятся на стр. 15 (№ 8).

„Пусть вам будет легка земля, старые, мудрые степные орлы и если много лет спустя (1673) вам пришлось принести присягу, так это тоже был шаг вашей мудрости. Вы поняли, что зависимость стала настолько тесной, положение обособленного казачества настолько опасно (кому?), что пора было сыну (?) хоть и не любимому раньше, придти на лоно (?) своей матери (?) России".

Так приветствует автор „Очерков" гибель независимого государственного бытия Донского Войска.

Естественно, к „Стеньке Разину" (гл. 6) г. Короченцев не постеснялся приложить печать своей идеологии и психологии. Все движение Разина автор очерков, трактует, как имевшее целью только „разрушение".

Чтобы понять и оценить Разиновское движение следует принять во внимание следующие, неизвестные, повидимому, г. Короченцеву исторические данные: Степан Разин был сыном видного старшины, крестник Войскового Атамана Корнилия Яковлевича (Лебяжья-Шея?)**) и сам видным старшиной; главные сподвижники Разина: Алексей Каторжный, Шелудяк, были сы-

*) Дела Московского посольского приказа (Гл. Ар. М. Ин. Д.)

**) По некоторым данным можно предполагать, что Корнилий Яковлевич был родной брат Войск. Атамана (1638-39 г.г.) Тимофея Яковлевича Лебяжья-Шея.

новьями войсковых атаманов: первый — Ивана Димитриевича Каторжного, второй — Наума Васильевича Шелудяка; Василий Ус был походным атаманом войска, посланного Доном на помощь Москве (в 1666 г.); Фрол Минаев и Самарин, видные сподвижники Разина, а после его предатели, были впоследствии Войсковыми Атаманами. Все эти лица в эпоху напряженной борьбы за Азов были в возрасте 12—16 лет. Они восприняли страдания Войска, а после их осознали. Разиновское движение есть следствие причин, истоки которых лежат в событиях Азовской борьбы и московской политики. Разиновское движение было целесообразно для Донского Войска, успех его предохранил бы Донское Войско от агрессивной политики Московского государства, от проявления им своей „чрезмерной любви" к Донскому Войску. Конечно, для г. Короченцева Степан Разин только грабитель, разбойник. Мы ограничиваемся разбором очерков, помещенных в „Род. Крае" за 1929 г.

Общий вывод. Очерки представляют очень слабое конспективное изложение материала, давно известного по печатным трудам. Суть очерков в тех тенденциях, которые в них проводятся. Эти тенденции напоминают старое время, когда унтер об'яснял, кто „внутренний враг" и непременно выводил, что этот враг „скубент". Этот „скубент" — независимое государственное бытие Донского Войска, существование казачьей народности.

Гармония полная: А. К. Богаевский устанавливает — что казаки и впредь будут служить России (все равно какая образуется — монархическая или республиканская), а автор „Очерков" пытается установить, что и в прошлом Донское Войско и казаки только и думали о том, как бы „послужить". Каждый из казаков знает, что это идеология и психология не Казачества, а отдельных лиц — любителей „послужить".

От проф. Сватикова к Короченцеву!... А. П. Богаевским и Н. М. Мельниковым (руководителями Казачьего Союза и журнала „Р. К.") пережита эволюция громадная, исключительная.

А. А. Гейман.

Бои в районе г. Ардагана в декабре 1914 г.

Развивая свою Кавказскую операцию в декабре 1914 г., турки конечно, не могли ограничиться только овладением считавшегося недоступным зимой Саганлукского перевала и направлением на Саракамыш, Карс и Тифлис. И действительно, одновременно с этой главной операцией, они развили еще наступление в долину реки Чороха и, выставив заслон на Батум, повели энергичное наступление на Ардаган, учитывая, что при успехе, дальнейшее наступление на Ахалцых, Ахалкалаки, Боржом и Тифлис значительно облегчит им выполнение главной задачи, отрезая от Батума и отдавая в их руки долину реки Куры и Риона, весьма богатых, с пролегавшей по ним единственной железной дорогой к Черному морю.

Саракамышские бои, хотя частично, но получили свое освещение в печати, между тем, как Ардаганские, кажется, нигде еще не описаны. И вот, как участник этих боев, несмотря на то, что с того времени прошло 16 лет (но живы еще другие участники этих боев, могущие внести поправки и дополнения), я решился на память описать эти события.

Части 3-й Кубанской пластунской бригады, тотчас по сформировании, по об'явлении войны и мобилизации, были поставлены по линии железной дороги Ростов-Баладжары и далее — Тифлис-Батум, для охраны ее, когда в ноябре спешно были сняты и двинуты частью на осажденный турками Батум, частью на Ардаган, и в конце ноября туда прибыли 13, 14 и 16 пластунские батальоны (с командирами — Войск. старш. Марченок, Гейман и Захаров). В состав этого отряда, прибыли в то же время 3-й Екатеринодарский полк (В. старш. Фесько), ополченская дружина и две Кавказских гренадерских батареи (капитаны Арвантаки и Толмачев), кроме того из Батумской бригады пограничной стражи, оторвавшаяся при наступлении на Артвин и долину реки Чороха, сотня: 50 конных и 50 пеших при двух офицерах. Как пластуны, так и конный полк, были третьеочередные части, из казаков, уже десять лет не бывших в строю. Они еще не закончили и формирования при мобилизации, так например, их пулеметные команды прибыли уже после Ардаганских боев. Много дефектов было в обозах и в санитарном снабжении. Главный же их недостаток — большой некомплект офицеров. В 14 батальоне, например, было на лицо всего шесть офицеров. Ополченская дружина и вовсе не походила на воинскую часть и принесла только много хлопот и внесла много беспорядков. Только две батареи, да сотня пограничной бригады были вполне строевые части и во всех боях, под командой своих доблестных командиров стойко держались плечо к плечу со стариками бородачами-пластунами, как увидим далее, вместе с ними одним орудийным и ружейным огнем отбили наступление десяти турецких батальонов и наложили две тысячи убитых и раненых (все замерзли) только за один день боя за Ардаган.

Отряд этот был вверен генералу майору Гениху (из отставных). Начальником штаба был генерального штаба капитан Иванов. Едва отряд этот прибыл и разместился в Ардагане и окрестных турецких селах, как получилось донесение, что турки, взяв Артвин — двигаются на Яланусчанский перевал к Ардагану, а уже второго декабря 14 пл. батальон занял этот перевал (40 верст от Ардагана). В то же время 13 батальон занял перевал северный, на пути в Лазистан; 16 батальон пододвинут в с. Кинзотоман.

Все остальное оставлено было в Ардагане. Яланусчанский перевал считает что-то около 9000 футов над уровнем моря. Он полого спускается к Ардагану и весьма круто к Артвину. Фланги его легко обойти, но глубокий снег, доходивший до изоляторов на телеграфных столбах, не позволял этих обходов ни туркам ни нам, да и вообще исключал всякую возможность маневрирования. Морозы держались до 20—30 градусов. Это и дало возможность удерживать этот перевал одним пластунским батальоном, против 3—4 турецких, сюда направленных, в течение 10 дней.

Уже 4 декабря завязалась первая перестрелка. Были раненые и убитые с обеих сторон, но все покушения наступающих турок были отбиты одним ружейным огнем. Быстро вспомнили старики пластуны старую выучку — толково вели огонь и стойко держались. Турки, наделав нечто вроде канадских лыж из древесной коры, заходили все небольшими группами нам во фланг, но наши пули их быстро сбивали. Зигзаги шоссе по крутому боковому скату были совершенно засыпаны снегом и найти их было невозможно, а вне его выемки двигаться никак было нельзя.

Желание же сбить турок хотя бы в одном месте было превеликое. И вот додумались: собрали большой гурт скота и, надеясь на его инстинкт, одна сотня погнала его по шоссе к туркам, сама укрываясь за ним, но турки сообразили в чем дело, и как только стадо пробилось таки к ним, розыскав шоссе, они открыли сильный огонь по голове стада и оно шарахнулось с ревом назад, сметая пластунов.

Вскоре удалось подвести две полевых пушки, что значительно усилило фронт, а попытка турок подтянуть и свое горное орудие этими же пушками была сбита. После уже мы нашли в снегу убитого катэра и тело пушки, на котором оно было навьючено. Сбил это орудие капитан Толмачев — командир батареи, командуя стрельбой из своих пушек лично.

Мы с часу на час готовились перейти в наступление, несмотря ни на что сбить турок с перевалов вниз,

где на несколько верст они были бы под нашим огнем. Но 14 декабря, командир 14 батальона получил приказ от начальника отряда: Ночью, скрытно от турок снять батальон и к утру прибыть с ним в Ардаган (40 верст), имея в виду, что северный перевал, который держал 13 батальон, уже занят турками и 14 поэтому может быть отрезан от Ардагана. Скрыв причину отхода от чинов батальона, командир батальона приказал: с наступлением темноты разобрать пушки, поставить их на полозья и под прикрытием резервной сотни, спустить их в с. Кинзотоман, где пересадить их на лафеты и вместе с кухнями и патронными двуколками ожидать подхода батальона, имея наблюдение в сторону Ардагана и Северного перевала. В одинадцать часов ночи, разложив в стрелковых окопах обычные костры, батальон снялся с позиции и по единственной намятой в глубоком снегу дороге вытянулся и отошел к Кинзотоману к рассвету. Здесь, покормив людей горячей пищей, еще до рассвета двинулся на Ардаган. Необходимо было выиграть время, оторвавшись от гор, выйти из узкого ущелья и к восходу солнца дойти до греческого селения на ровнину, где можно было развернуться и принять бой и с головы и с тыла, если турки заметили отход и погонятся за нами. Но турки не гнались. Уже около полудня, подходя к селу Кичу Дженджерой, в пяти шести верстах от Ардагана было получено от генерала Гениха извещение, что в Ардагане ополченская дружина разбила винные склады, перепилась и бесчинствует, а сотня пограничников с ними справиться не может. Остановив отряд, командир 14 батальона, об'яснив всем положение, взял и получил от казаков слово, что в такой тревожный час, когда уже завтра придется драться с превосходными силами врага, не на живот, а на смерть, они не допустят бесчинства и жестоко сократят нарушителей порядка. Прибыли и квартирьеры — пограничники, они также подтвердили, что положение в городе серьезно, так как 13 и 16 батальоны заняты укреплением города, а пограничников очень мало. Командир батальона приказал — расходиться по квартирам частями не менее взвода, а по толпе пьяных бунтовщиков, где только заметят, без предупреждения открывать огонь залпами. После двухтрех залпов пьяные дружины разбежались, а батальон спокойно занял свой квартирный район в городе.

Ардаган — небольшой город. Весь из камня и глины. Население на половину турецкое. Расположен в котловине, верст 6-10 поперечником. Однако, численность отряда не позволяла вынести не только оборону его за город в окрестные села, но людей не хватило даже, чтобы занять его прочно и по периферии.

Поэтому решено было приспособить спешно выдвинутые дома так, что они могли дать перекрестный огонь и фланировать подступы, хотя бы и на близких дистанциях, а впереди, шагах в 100—150 насыпать из снега закрытия для цепи, но так, чтобы походило на то, что стрельба идет из крайних домов.

Артиллерия заняла закрытые позиции в городе. Так прошло все 15 декабря. Рано утром 16 декабря по дороге из Ольты показался вдруг сомкнутый взвод с ехавшим сбоку верховым. Две сотни 14 батальона (есаул Яценко И.) уже были размещены в приготовленных окопах. Пластуны уже успели сжиться с своим начальством за время двух недель и почувствовать к нему доверие. Только что казаки увидели эту группу, сейчас же послышались голоса: „К командиру батальона: „Дайте прицел“. Руководствуясь числом телеграфных столбов по шоссе от нас до группы турок, командир батальона дал прицел 12 и приказал сотне есаула Яценко дать поверочный залп, коим сейчас же конный турок был сбит с лошади. Группа турок быстро рассыпалась и залегла. Видно было, как понесли и раненых по турецкому способу — на спине. Так начался и завязался бой, разгоревшийся по всей линии обороны и наступления.

Турки, видимо, полагали, что стрельба идет из домов города, так как все время пули давали перелет и бились в стены этих домов. Турки дальше уже весь день не продвинулись ни на шаг. Очевидно они совершали какой-то нам невидимый маневр. И действительно, с наблюдательного пункта капитана Арвантаки и командира 14 батальона открылась вдруг картина: три батальона турок, прикрываясь рядом холмов, по долине, совершали обход в тыл Ардагана. Несмотря на глубокий снег и большой мороз турки необычайно толково, с полным знанием дела и разведочными ротами и взводами совершали этот фланговый марш, последовательно выставляя заслоны на холмах в сторону города. Пластуны 14 и 13 батальонов приковали турок к месту против своего фронта и поэтому, донеся о виденном начальнику отряда, командир 14 батальона перенес огонь батареи Арвантаки на обходящие колоны.

Стройный, приведший нас в восторг обход этот показывал нам, что мы имели дело с прекрасно обученным и серьезным противником. Это были части 8 дивизии, стоявшие до войны в Константинополе, а командовал ею немецкий генерал, раненый в живот в этом же бою.

Турки установили на Ольтинском шоссе два горных орудия и очень быстро нащупали нашу батарею. Бой разгорался. Наскучив огневым боем, командир одной из сотен 16 батальона решил сбить выставленный против него заслон штыками. Оставив кладбищенскую ограду и подняв сотню, повел ее в атаку, но тотчас же был сражен двумя пулями в живот и грудь. Так погиб доблестный есаул Аркадий Иванович Селютин, непризнавший оборонительного боя, без маневрирования несмотря даже на глубокий снег.

Вечерело. Турки на наших глазах несли огромные потери. У офицеров и казаков появилась твердая уверенность, что турки Ардаган не возьмут. Завтра же это сделать уже будет не с кем. Так хорошо задуманный и блестяще выполняемый маневр их не был соображен с обстановкой. (Когда мы все же оставили на три дня Ардаган, турки собрали своих убитых и раненых и разложили их на площади. Были даже легко раненые, но замерзшие; их мы насчитали более двух тысяч). И к ночи турки свой маневр не выполнили.

Часа в четыре дня командир 14 батальона был вызван к начальнику отряда. На вопрос: как дела, был дан ответ — что поочереди снимая взводы, удалось накормить людей горячей пищей. Настроение прекрасное и что если турки не взяли нас днем, то ночью скорее всего перемерзнут и останутся в снегу, но до нас не дойдут.

Генерал Гених при нем же телеграфировал в Тифлис: „Замыкаюсь в кольцо, прошу выручить“. Получен был через полчаса ответ: „Держитесь, завтра к вам на выручку пойдет Сибирская казачья бригада“. Успокоенный, командир 14 батальона отправился на свое место. Не прошло и получаса, как под'ехал к нему начальник штаба полковник Иванов и официально доложил: „Войск. старш., вы — начальник Ардаганского отряда“. „Каким образом? А генерал?“ — „Его нет, он или убит или в плену у курдов“. Узнав, что на шоссе Ардаган-Ахалцых появилась курдская конница, генерал Гених схватив 16 батальон, стоявший в резерве, и коноводов спешенных Екатеринодарцев, а также батарею Толмачева и ускакал с ними из Ардагана.

13 батальон отступает, но не через город, а горами и как бы его в снегах не постигла та же участь, что и турок. Раненые вывозятся на порожних повозках обоза; их более трехсот человек. Склады патронов и продовольствия по приказанию начальника отряда подожжены. Остается всего гарнизона 14 батальон, да пограничники и одна сотня 15 батальона. Как только доложили, что раненые вывезены и склады патронов со страшными взрывами и треском начали гореть, командир 14 батальона решил снять цепь и батарею и вывести их за город, где все еще сделал попытку задержаться до света, но кухни, и особенно патронные двуколки также были увлечены общим отходом обозов, а у людей оставалось всего по 15—20 патронов. Это обстоятельство изменило решение и, стянув свои части и проверив, батальон и бывшая при нем батарея вытянулись в походную колонну. Оттянув одну сотню в тыловую заставу, а всю артиллерию и повозки с раненными продвинув в голову, колонна медленно двинулась из горящего Ардагана.

Между тем генерал Гених, отскакав с батареей и

коноводами верст 5—6, развернул на возвышенности батарею и, завидев или заслышав при лунной тихой ночи какое-то движение из Ардагана, дал наугад залп из всех шести орудий Толмачева и понесся далее. Это была колонна непоспевшего за ним 16 батальона. К счастью, залп этот не причинил им никакого вреда. Генерал Гених остановился только в селе Зурзунь, в тридцати верстах от Ардагана. К этому времени туда уже прибыла доблестная Сибирская казачья бригада с генералом Калитиным, героем еще Скобелевских времен. Мы встретили эту бригаду рано утром 17 декабря, когда она спешила в Ардаган.

Через два дня наши пластуны в селе Зурзунь отогрелись, отдохнули и подтянулись, и подошли опять к Ардагану. Сибирцы уже в это время зашли в тыл туркам и в капусту рубили все, что из Ардагане пыталось выйти. Соединившись с ними, под общей командой генерала Калитина, мы снова взяли Ардагана, при чем, кажется, от 9 батальонов турок, кроме восьмисот пленных, ничего больше не осталось.

Бои эти имели огромное значение на дух турок. Теми же пластунами с помощью еще частей приморского отряда генерала Ляхова (тоже пластуны) уже через месяц турки были выбиты из долины реки Чороха, отброшены за нашу с ними границу и уже до конца войны не пытались предпринимать здесь какие либо активные действия.

Не будем судить мертвых. Не будем повторять старых истин, что сильный волею начальник с полками наспех сформированными может творить великие дела. Однако, нельзя умолчать и не подчеркнуть и того обстоятельства, что казаки уже 10 и больше лет не бывшие в строю, а занимавшиеся мирным трудом у себя в станицах, третьеочередные, хотя и далеко им до пластунов 2-ой бригады г. Гулыги, а особенно I-ой г. Пржевальского, доведенных перед войной до высокой степени совершенства обучения и воспитания, все же сразу нашли себя, сразу же спаялись в грозные боевые части и не посрамили в жестоких боях с врагом славы родного Войска. Вечная память убитым и умершим героям и неуведаемая слава живым пластунам. Да живите Вы долгие века в благодарной памяти родимой матери нашей — Вольной Кубани, а живые — храните героический дух дедов и отцов ваших, несмотря ни на какие переживания и страдания.

Шамба Балинов.

Настроение казаков в Родных Краях.

В прошлом номере „В. К.“ я писал, со слов приезжего из СССР „спеца“, об отношении русского народа, т. е. русских рабочих и крестьян, к советской власти. Это отношение, как, впрочем, было и раньше известно, в высшей степени благоприятное для большевиков. Но русский „спец“ тогда умолчал об отношении к советской власти других народов, в частности Казачества. Теперь этот „пробел“ восполнен недавно приехавшим с Кубани чехом-инженером, долгие годы жившим в Екатеринодаре, только в 20-х числах марта с. г. оттуда выехашим.

Хотя подлинное отношение Казачества к большевикам нам и так известно, но считаю необходимым привести выдержки из слов этого беспристрастного живого свидетеля нечеловеческого казачьего страдания.

— Как живут там казаки, как они относятся к коллективизации?

— Что вам говорить о казачьей жизни? Это — сплошной ужас, беспрерывная цепь страданий и мук... Подчеркиваю — казачья жизнь, т. е. жизнь казаков, физически существующих, т. к вообще казачьей жизни по закону там не должно существовать, даже имя казачье упразднено. В Казачьих Краях сейчас очень много пришлых неказачьих элементов, советской властью облагодетельствованных, живущих за счет казаков. Жизнь этих пришельцев, в сравнении с их прежней жизнью, конечно, гораздо лучше. По крайней мере они ничего не потеряли, а многие и приобрели... Что же касается отношения казаков к „коллективизации“, то могу сказать, что это — величайшее несчастье для казаков. До этого они хоть кое-как изворачивались, а теперь они приперты к стене. Сколько душу раздирающих сцен и страшных трагедий разыгрывается на этой почве сейчас среди казаков! Чтобы вы могли представить себе приблизительную картину того, что там сейчас происходит, расскажу вам трагедию одной казачьей семьи, непосредственным свидетелем и очевидцем которой был я сам. В Екатеринодаре (Краснодаре) в соседстве со мною жила одна казачья семья, состоявшая из пожилого отца и матери, взрослой дочери-невесты и сына лет 18. Глава семьи — почтенный, трудолюбивый человек, пользовавшийся глубоким уважением всех его знавших. Один раз его хозяйство было уже разорено большевиками, но он упорным трудом с'умел за это время снова кое-как сколотить его. Но пришло время „коллективизации“ и у него, как „кулака“, забрали все. После этого он долго ходил как полуживой человек, стал угрюм, перестал говорить, все молча обходил свой опустевший дворик. Однажды он вышел из дома и не возвратился к обеду. Жена забеспокоилась, пошла искать по соседям. Нигде нет. Стала искать по двору и, наконец, нашла мужа в сарае... в мешке и повешенным. Жена в состоянии отчаяния тут же сделала то же самое: в мешок и повесилась. Пришедшая затем домой дочь, не найдя родителей, пошла искать и нашла в сарае два рядом висящих мешка с бездыханными телами родителей. Нервы девушки не выдержали этой страшной картины и она в состоянии безумия сделала то же самое. Пришедший вечером сын нашел в злополучном сарае три висящих мешка с телами отца, матери и сестры.

За этой семьей числился налоговой недоимок — несколько пудов зерна. Сын пошел в Совет и заявил комиссару, чтобы он приехал сейчас же получить от них числящийся за ними недоимок. Тот приехал. Сын повел его в сарай и, указывая на висящие трупы, сказал: получите! Эта ужасная картина даже на самого комиссара так подействовала, что он застрелил приведшего его сына хозяина, но тут же застрелился и сам...

Вот вам яркий пример отношения казаков к „коллективизации“. Эта трагедия разыгралась на моих глазах и она — не единичное явление, а почти бытовое...

Но и до „коллективизации“ всей большевицкой политической системой казаки были поставлены в такие условия, что им оставалось только одно: бежать из своих Родных Краев, искать счастья где-то далеко от своих мест. И бежали и бегут. Конечно, есть и такие твердые, волевые, упорные казаки, которые, несмотря ни на что, ни на какие гонения, сопротивляются, пытаются как нибудь оставаться у себя дома. Но таких сами большевики убирают: высылают, вывозят...

— А как проходит служба казаков в красной армии? Как они уходят и приходят со службы? Ведь раньше у нас проводы казаков на службу и их возвращение были целыми событиями, сопровождавшимися празднествами...

— Ничего подобного теперь нет. Не до того им теперь! Как казаки проходят службу, не знаю. Молодые казаки куда-то незаметно уходят, где-то служат и также незаметно приходят. Вы спрашиваете о настроении красной армии... Этого настроения, по моему, там нет или, по крайней мере, о нем никто не знает. Не знает по одной весьма простой причине. Вернувшиеся со службы казаки говорят, что там мы боимся говорить друг с другом, потому что красная армия кишит шпионами, даже своему близкому другу нельзя верить.

— Но каково настроение казаков дома, о чем они думают, что делают и на что надеятся?

— При существующем режиме там казаки вряд ли сумеют что-либо сделать; при всем своем желании они не в состоянии будут проявить какую-либо политическую деятельность. Общее и единодушное настроение — глубокая ненависть к большевикам, к советской власти и нетерпеливое ожидание скорейшего свержения ее какою угодно ценою... При чем советская власть, большевизм, в сознании казаков непременно связывается с Москвой, рассматривается исключительно московским плодом. На что надеятся? Вся надежда их на своих казачьих эмигрантов. Очень часто приходится слышать разговор: ведь там, заграницей, наших казаков много. Там наши Атаманы, Правительства и все активные борцы за казачьи права! Неужели они не слышат о наших страданиях? Неужели они ничего не предпринимают? Не может быть, чтобы все они там отдались своей личной жизни и забыли нас! Нет, они, конечно, думают о нас, делают все, что в их силах и придут к нам на помощь!

Таково общее настроение казаков. Я его знаю хорошо, ибо много лет жил в их среде. Правда, по своему происхождению я чужой им человек, особой симпатии к ним, казакам, не питал. По своему политическому настроению, было время, я из всех русских политических партий предпочтение отдавал партии левых с. р. Но в данном случае я не руководствуюсь своей политической симпатией или антипатией, а излагаю вещи так, каковы они есть и как я их воспринимал...

Так излагал общее настроение казаков на Родине и их надежды беспристрастный иностранный свидетель. Это свидетельство вполне совпадает с утверждением самих большевиков о казачьем настроении. Об открытом грабеже казаков большевиками и о вытекающем отсюда естественном общеказачьем настроении откровенно пишут сами большевики. Например, некий Н. Барышев в книге „Социальное строительство в деревне. Кубанский округ“, 1929, пишет: „на Кубани проведено т. н. основное землеустройство на 95% от всей земельной площади в округе. Достигнута ликвидация безземелия. Все безземельное население, составлявшее 500.000 душ, получило земельные трудовые наделы. Значительно увеличилось общее количество крестьянских хозяйств. В 1926 г. их было 175 тысяч, теперь стало 240 тысяч. (Все это за счет казаков, путем изгнания их из родных мест! Ш. Б.). Достигнуто, т. о., уравнение в землепользовании (Хорошее уравнение! Ш. Б.), установлен в округе нормальный трудовой надел. Эта работа имеет огромное — революционно-политическое значение... (Святая истина! Таким путем казаки из своих мест выбрасываются, их земля передается верным защитникам большевиков — русским крестьянам, а ненавистное большевикам „казачье сословие“ уничтожается! Ш. Б.). Можно считать, что противоречия в области земельных отношений в основном разрешены... („Противоречия разрешены“ путем ограбления казаков! Ш. Б.).

... Ход землеустройства вызвал напряженную политическую обстановку в станицах. (Еще бы! Ш. Б.). Здесь с особенной резкостью выступали классовые противоречия. Ведь это произошло за счет сокращения кулацкого землепользования (читай — казачьего! Ш. Б.), которое было снижено до среднего трудового надела. Почти вся земля была в руках Казачества. Хозяйства же, имевшие сверх нормы, потеряли, их излишки экспроприированы. (По толкованию большевиков, все казачье хозяйство было сверхнормным, а потому оно экспроприировано. Ш. Б.). Это было достигнуто в обстановке обостренной классовой борьбы. Эта борьба осложнялась тем, что она проходила не только по линии классовой, но и по линии сословной... (Читай — уничтожали „казачье сословие“! Ш. Б.). Кулацкое (казачье) сопротивление против землеустройства было активным и изощренным. Например, по адресу бедноты, которой отводились планы земли, раздавались кулацкие (казачьи) голоса: „Наши придут — мы вам планы на спине вырежем“.

Так, по свидетельству самих большевиков, казачья земля, казачье хозяйство экспроприированы, а сами казаки, под жестоким железным прессом московских большевиков, под широким наплывом северных пришельцев, с голодной жадностью бросающихся на казачье добро, нечеловеческим стоном стонут и умирают, и с отчаянной надеждой направляют свой взор на далекий запад в тщетной надежде получить оттуда избавление, ибо там — наши Атаманы, Правительства, наши сильные, активные братья.

Но, мы пережили жестокое время, видели беспримерные человеческие жестокости, изуверства и, естественно, сознание притупилось, сердце огрубело, очерствело. Вот почему беспрерывные стоны наших братьев на Родине не трогают сердца некоторых казаков в эмиграции. Этого мало. Есть некоторые „чрезвычайно разумные“ казаки, которые, в добавок к тому, что ничего не хотят делать для избавления Казачества от страдания, „своим умом“ дошли до утверждения, что исчезновение Казачества — вполне „закономерное историческое явление“, ибо Казачество — пережиток прошлого. И, если исчезновение Казачества принесет счастье „Великой России“ и укрепит ее, то, слава Богу, этим самым казаки исполнят свой последний долг перед Родиной-Россией, ибо — „мы прежде всего русские, а потом казаки!“ (если Казачество, помимо воли этих „разумников“ сохранится!).

Так фальшиво-гордо заявляют, на тротуарах европейских городов демонстрируют свою „любовь“ к „Великой России“ „российские патриоты“ из казаков. Фальшиво потому, что кто не любит ближнего, тот не способен любить дальнего.

Но, да не будет по ихнему!

Н. Нечуй-Левицкий.

Бог поругаем не бывает.

Я снова слышу эти ликующие, победные звуки: Христос Воскресе! Сколько непередаваемой радости они когда то доставляли моей детской душе! Больше, чем заболеть боишься, бывало, опоздать к заутрене, чтобы только слышать первое Христос Воскресе, торжественно раздающееся из уст старенького священника, среди приумолкшей тысячной толпы народа. Шепот многих молящихся пронесется людской массой, как шелест ночного ветерка, а потом звонкие голоса певчих подхватят пенящиеся радостью дивные слова и разбрызжут их по всему храму, переполненному до отказа, и столь же набитому погосту. Стоишь, как зачарованный и двинуться с места не можешь. Сердце щемит от непонятного восторга и дрожащие губы горячо просят у воскресшего Господа, чтобы благополучно прошли экзамены, чтобы здоровье и счастье Бог послал родителям, чтобы успешны были все мои начинания и еще, и еще что то, чего не понимает разум, но что понятно сердцу... Ведь говорят, что в эту минуту поправший смерть Искупитель исполняет каждую просьбу, обращенную к Нему с глубокой верой. Усталый и томно расслабленный, идешь к утру из церкви домой, но душа полна такого неподдельного счастья, что весь мир готов обнять и бурно расцеловать. Просветленный и совершенно успокоенный, ложишься после разговения на часок-другой соснуть. Знаешь, что не пропустил первого Христос Воскресе и удача будет тебе сопутствовать целый год до новой Пасхи.

А однажды, помнится, случилось, что я проспал светлую заутреню и какое отчаяние овладело мной! Словно случилось непоправимое несчастье и грозные беды ожидают меня впереди. Люди веселились от избытка чувств, а я не мог отогнаться от назойливых, как осенние мухи, мыслей, что проспал спасительные звуки и мои желания, которых было, признаться, немало, не осуществятся. Родители, чтобы не смущать

меня, показывали вид, что ничего не замечают, но тем заботливее ухаживали за мной, стараясь сделать мой пасхальный отдых возможно приятнее. Не знаю, моральная ли подавленность, или самовнушение подействовали, но в том году я действительно получил передержку по одному предмету и все лето, дивное кубанское лето, было мне испорчено.

А вот вспоминается мне еще одна Пасха, Пасха 18 года. Тогда у нас появились первые большевики, тогда в нашей станице пролилась первая казачья кровь и как раз тогда я окончил гимназию, окончил на два месяца раньше, чем полагалось в нормальное время. Я уже вырос из детских грез и дух неверия, как земляной червь, копался в душе моей.

Близилась Пасха, но радости я не испытывал. Во мне умерло то, что горы переставляет и осмысливает жизнь людей, во мне умерла вера. В воскресение Христа я не верил и религия мне казалась по меньшей мере смешной. Свет, который озарял мое детство, угас для меня во всем сомневающегося... Мудрствования лукавые произносил язык мой, ибо тогда это было модно, а я был молод и собирался поступать в университет. Я не хотел казаться отсталым.

В нашей станице, наполовину казачьей, наполовину мужицкой, был один матрос черноморец. Был он „из городовиков“ и, подобно мне, всемерно тужившемуся казаться передовым, и матрос Петро из кожи вон лез, чтобы только оправдать почетное звание „красы и гордости русской революции“. Но если я мог рассчитывать обратить на себя внимание хоть бессодержательной политболтовней, то тов. Петро даже болтать не умел своим дубовым мужицким языком. Но заметным ему все же хотелось быть и для этого он задумал одно греховное дело, которое, по его рассчетам, сразу заставит о нем заговорить. Еще задолго до Пасхи он похвалялся „отколоть такой номер, что сам поп с крестом в руках пойдет в присяд“.

Настала святая ночь. Время тогда было тревожное. Где то далеко сердито громыхали пушки... Придавленное казачество волновалось. Над Доном уже сверкали кровавые зарницы и тяжеловесная Кубань расправляла скрученные руки... Под Екатеринодаром шла жестокая борьба. Мне было как то не по себе. Чего то недоставало для внутреннего успокоения. В душе зияла пустота и мысли были разорваны. Что то подсказывало, что скоро стремительный шквал вырвет меня из родного угла и бросит в бурлящий котел борьбы. Равнодушно смотрел я на хлопоты матери, готовившей куличи к освящению, и мне становилось стыдно. Мать, тщедушная и болезненная, стойко выдержала весь пост без скоромной пищи, а я молодой и здоровый, даже в страстную седмицу не раз лакомился пасхальными яствами. Захотелось очистить свою душу каким нибудь подвигом от осадка грязи...

Я пошел в церковь и пытался молиться, чтобы вызвать в себе светлые образы счастливого детства, но слова выходили сухие и не искренние и не зажигали сердца моего. В воздухе пахло грозой... Женская половина храма молилась горячее, нежели всегда... Мужчин было мало. Трижды обошли вокруг церкви и священник, дребезжащим голосом провозгласил: Христос воскресе из мертвых!...

Почти в ту же самую минуту завизжала гармошка и распоясанный „лошадиный“ тенор затянул:

— Эх яблочко, да на тарелочке...

Точно молния разразилась над молящимися. На мгновение все оцепенело, а потом с разных сторон послышались протестующие голоса. Это пьяный Петро отколол обещанный номер... За широким поясом был виден обрез, фуражка с'ехала на затылок, лоснящееся тупое лицо нагло ухмылялось в сознании своей безнаказанности...

— Петро, бійся ти Бога! Чи ж такее робити на Великдень... усовещали хулигана бабы.

— ...Я вашего бога! — хрипло крикнул матрос и, продолжая частушку, гулко направился к выходу с погоста.

Старик священник минуты две помолчал, а потом угрожающе поднял крест и воскликнул вслед ему:

— Терпелив и многомилостив Господь, но страшен Он во гневе своем! Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие...

В ответ послышалась тяжелая матерщина и Петро удалился.

Батюшка снова пропел Христос Воскресе и богослужение продолжалось, но обычная торжественность исчезла. Бабы все время шушукались, а расстроенный священник делал ошибки в возгласах. Мне почему то сделалось совестно за поступок матроса, как если бы я сам был виноват в этом. В мозгу клином засела мысль: Господи, если Ты действительно есть, почему ты не покажешь чуда и не сокрушишь дерзновенного свтотатца? Мне было больно за старенького батюшку, который даром красноречия не обладал и вместо того, чтобы обрушиться на богохульного матроса сокрушительным обличением, ограничился короткой цитатой из Св. Писания. Мне хотелось чуда, чтобы Петро был наказан, чтобы поруганный Господь воссиял во всем своем величии и чтобы все воочию убедились, что есть что то Высшее над нами... Должен сознаться, что я этого хотел не столько для других, сколько для себя, ибо уже несколько лет душа моя была терзаема сомнениями...

Прошел первый день Пасхи, прошел и второй. Знакомые гостили у меня, я у них, а на третий день заглянул и к батюшке. У него была племянница, с которой мы учились в одном городе. Я говорил с о. Дометием обо всем, избегая только касаться прискорбного случая с матросом. Мне казалось, что в добрых, старческих глазах батюшки я вижу и укор по собственному адресу, так как в последние годы я редко бывал в церкви.

Уже почти к вечеру во двор стремительно вкатилась подвода и в дом вошел брат Петра, мирный кубанский мужик.

— Батюшка, Петро вмирає... Хоче висповідаться... Скоріш, скоріш, а то помре, — взволнованно говорил он, торопя священника.

Тот удивленно посмотрел на него и, не сказав ни слова, поехал к больному, а мы с его племянницей терялись в догадках, что могло приключиться матросу, обладавшему здоровьем животного.

Отец Дометий возвратился совсем неузнаваемым. Никогда раньше я не видел у него такого просветленого лица. Оказалось, что Петро все эти дни беспробудно пьянствовал. Сегодня он жестоко сцепился с одним казаком, с которым уже давно враждовал. В разгаре спора матрос хотел выхватить из за пояса неразлучный обрез и застрелить своего противника. С пьяных глаз он дернул гашетку не взятого на предохранитель обреза и пуля разворотила ему все внутренности. Целую ночь он тяжело мучился, а к утру, приобщившись, тихо отошел в Вечность.

Я не суеверен, и религиозен своеобразно, но этот случай, который не является плодом моей фантазии, произвел на меня огромное впечатление и я теперь к вопросам веры подхожу значительно осторожнее. После описанного случая я несколько раз заводил с о. Дометием разговор на эту тему, но он глубоко убежденным голосом отвечал всегда одно и то же:

— Я пастырь и не могу передать вам того, что было мне сообщено на исповеди. Одно только скажу, что Петро умер, как добрый христианин, раскаявшись в своих грехах и примирившись с Богом и умолял меня похоронить его по христианскому обряду и непременно на кладбище. Запомните, что Господь поругаем не бывает... Будем лучше молиться за упокой его души...

Уже будучи на фронте, я слышал что о. Дометию здорово влетело за то, что он осмелился похоронить по христианскому обычаю члена РКП.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

Думы и мысли.

Петр Крюков. *(Франция).*

* * *

Где-же, вы, степи родные,
Ширь бесконечных полей?
Где-же, вы, дни золотые
Юности милой моей?
Где вы?.. Далеко, далеко!..
Вряд-ли вернусь к вам назад!..
В чуждой земле одиноко
С скорбью угаснет мой взгляд.
В час свой предсмертный я вспомню
Вас, дорогие мои!
Волны морские пополню
Слезным потоком любви.
Тяжко! В душе безотрадно
И беспросветно — темно.
Демоны грусти парадно
Шествуют в сердце мое.
Нет у меня былой силы
Вольной, казачьей, степной.
Видно у зева могилы
Стал я одною ногой.
Смерть не страшит, ни страданья, —
Смерть — мне желанный покой.
Вы, лишь, мечты и желанья,
Жаль мне, — умрете со мной!..
К Богу Степному с молитвой
В смертный свой час обращусь:
Пусть из могилы пред битвой
Я казаком возвращусь.
Стану за Край свой полынный
Грудью казачьей — стеной —
Пусть Он под гром орудийный
Сказ мне доскажет родной...

♦♦♦♦♦♦♦♦

Ив. Томаревский. *(Болгария).*

КОГДА ТО И ТЕПЕРЬ.

Когда-то воля процветала,
Гуляла ветром на степи,
Преград себе на ней не знала...
Когда-то были казаки...
Когда-то пышные султаны
Молочно-белых ковылей
С травой зеленой и цветами
Красой считалися степей...
Теперь уж нет того, что было —
Ни воли прошлой, ни цветов,
Ни трав душистых, ни ковыля,
Ни вольно живших казаков...
Прошли века... Остались были,
Да песни старые поют
О том, как прежде люди жили
И как теперь уж не живут...

Новое в жизни донских калмыков.

В письме одного русского эмигранта, родные которого жили в Сальском округе, говорят, есть приблизительно такое место: ... „жизнь у нас среди своих была настолько невозможной, что пришлось переселяться к калмыкам и жить среди них. Имели мы там землянушку, две коровенки, а теперь все пошло прахом; калмыкам приказано выселяться за Урал, в Казакстан. Что теперь делать нам, не знаем“...

Само собою разумеется, что такое известие вселяет в души здешних калмыков страх и опасение за судьбу всех донских калмыков. Они должны остро чувствовать нависшую за этим большевицким мероприятием угрозу исчезновения целого калмыцкого племени, наиболее развитого, деятельного и политически зрелого. В лучшем случае эта мера ведет к новым несчастьям, к новым моральным испытаниям...

В „Последних Новостях“ от 15 апреля есть маленькая заметка в четыре строки о том, что Москвой издается указ о переселении в Казакстан 84000 кочевников.

Это сообщение в сочетании с известием в письме „оттуда“ дает нам повод думать, что под переселяющимися кочевниками действительно могут подразумеваться в числе прочих и Донские калмыки.

Помимо того, что причисление Донских калмыков к кочевникам, народа, который уже сотню лет живет вполне культурной, оседлой жизнью, экономическое благосостояние которого и способ ведения хозяйства были гораздо выше таковых у самого русского мужика, в этом мероприятии можно усмотреть злую, скрытую цель большевиков.

Донские калмыки наиболее крепко спаянная часть своего народа с Казачеством. Донских калмыков не избежно в будущем сближение с Казачеством, слияние в одну государственную семью всех калмыков вообще. В данное время большевики прилагают усилие по уничтожению, обессилению, расслоению, растворению казачества. Вот в этих целях им выгодно раз'единить казаков и калмыков, чтобы исключить в будущем между ними возможность об'единения, установления неразрывной связи, которую неизбежно продиктует общность жизненных интересов. Видимо, в преследовании этих целей большевики не остановились перед очередной опасной операцией над душей и телом нашего народа и без того терпящего от российских событий миллион страданий.

И вот, все же, перед картиной такого печального и грозного явления, перед ужасом такого небывалого бедствия нашего народа, среди интеллигенции калмыков в эмиграции встречаются люди, которые находят, что большевики делают добро нашему народу, — это сменовеховцы; или, есть еще такие типы, которые многозначительно советуют нам, вольным казакам, осторожность, мычат о естественном ходе исторических процессов, о законах больших государств, о неподготовленности того или другого к взятой на себя роли — это прихвостни бездельной, болтливой русской интеллигенции, в болтовне погубившей свою родину...

Но, будем верить в конечное торжество права и справедливости, будем надеяться, что наш маленький, но живучий народ, пройдя через горнило страданий, окрепнет и поймет, что борьба за жизнь на белом свете не есть шутка и чтобы завоевать свое место под солнцем зевать им, щадить свои или чужие зубы не приходится.

Связь же нашу с Казачеством, если большевики силой прервут там, с'умеем сохранить и укрепить, вылить в более определенные формы здесь мы. Всякий честный калмык, по моему мнению, должен помнить, что в Свободном Казачестве единственный залог нашего грядущего возрождения и возможность сносной жизни, если только таковая нам суждена, а если же нет, то мы все равно ничего не теряем; мы все уже потеряли...

Ш. Н.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков заграницей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Из истории экономического прошлого наших Земель.

Сочинение Пейсонеля „Traité sur le commerce de la mer Noir", Париж 1787 г.

Вышедшая почти 150 лет назад книга Пейсонеля „Трактат о торговле на Черном море" представляет теперь весьма ценную библиографическую редкость. В предисловии автор говорит, что он большую часть своей жизни посвятил изучению мореплавания и торговли по берегам Черного моря. „Сознавая важное значение и выгоды, которые бы могла извлечь для себя Франция, пользуясь Черным морем для развития торговли, я начал с 1750 г. в бытность мою в Смирне и Константинополе, собирать по интересующему меня вопросу сведения от турецких, греческих и армянских купцов.

В 1753 г. я послан был в Крым в качестве консула короля французского при татарском хане", пишет далее Пейсонель. Изучая государство татарского хана, Пейсонель уделял исключительное внимание северо-восточным берегам Черного моря и всей той территории, которую в позднейшем заняли Области: Кубанская, Терская, часть Донской и губ. Ставропольская. Экономический подход автора к теме делает из его труда источник единственный в своем роде.

Как известно, в русской литературе известия о поименованных землях стали появляться лишь в начале XIX ст. Раньше же, как ни странно, все сведения об этих землях и их населении черпались из иностранных источников. Географическое положение этой территории способствовало с давних времен сношениям ее с европейскими народами. Наши земли греки и римляне знали еще до Р. Хр. Первым, хотя и кратким, описанием тогдашнего населения этой территории повидимому следует считать труд итальянца Георгия Интериано в 1450 г. Затем в иностранной литературе появился ряд ценных описаний горцев, каковы, например, описания доминиканского монаха Иоанна де Лука 1620 г., миссионера А. Ламберти того же года и др. Много нового дали в XIX ст. труды барона Услара, Люлье, Берже, барона Сталя, англичанина Беля, польского эмигранта Лапинского и, наконец, известного французского путешественника и ученого Дюбуа-де-Монпере, оставившего классическое описание Кавказа.

В ряду этих трудов работа Пейсонеля интересна потому, что изобилием цифровых конкретных данных рассеивается укоренившееся представление о дикости, некультурности и разбойничьем характере тогдашнего населения Предкавказья и Северного Кавказа. Описанием ввозной и вывозной торговли в XVIII ст. на северо-западных берегах Черного моря, Пейсонель дает картину оживленной и сложной экономической жизни, которую вели племена в 2 милл. человек, расселенные от Тамани до Абхазии, и от Тамани через Темрюк по Кубани до Моздока.

Очень интересны описания Пейсонелем наших тогдашних городов. Так в Тамани своего времени Пейсонель насчитывает 6000 жителей, 12 мечетей, 1 баню и около 100 лавок. „В Тамани есть озеро, вокруг которого рабы грузины; отпущенные на свободу, образовали квартал, именуемый грузинским. Имеется 18—20 судов, принадлежащих этому городу. Суда не могут зимовать на рейде и находят себе убежище в Керченском порту. Тамань — главное, или лучше сказать, единственное место транзита всей привозной и ввозной торговли Черкессии. Здесь складываются все товары, предназначаемые для Черкессии и нагружаются все те, которые вывозятся из этой страны".

„Темрюк — маленькая крепость, расположенная в 6 лье к северо-востоку от Тамани; в ней находится постоянный гарнизон янычар и числится около 2000 жителей, 2 мечети, 12—15 лавок, 70—80 пушек. Berbezemin, в Азовском море, есть порт Темрюк. Порт плохой — суда могут входить в него только в тихую погоду".

„Ачу (Ачуев?) — маленький форт с населением от 300 до 400 жителей. Укрепления деревянные, снабженные 26—30 пушками; рвы наполнены водой. Окрестности этого форта так болотисты, что делают это место абсолютно неприступным. В последнюю войну русские бесполезно осаждали его в течение 20 дней, при чем во время осады убитых в форте было только 2 человека. Комары здесь так велики и в таком громадном количестве, что форт становится необитаемым".

„Каплу (город, где ныне находится Славянская станица) — резиденция сераскира. В нем числится около 4 т. жителей, есть 2 мечети, 5 каравансараев и около 500 лавок. Каплу — складочное место торговли Черкессии: кубанцы из Тамани, Каффы и других мест привозят туда товары для распространения их между черкесами и кубанскими ногайцами, а эти народы, в свою очередь, приезжают туда для продажи своих произведений".

Любопытно упоминание Пейсонеля о крепости Agdja, ссылок на которую не имеется в других литературных источниках (Анапа?).

С большой точностью ведет Пейсонель перечень предметов торговли и оборотов в ней. Среди ввозившихся сюда товаров мы встречаем 50 тыс. штук простого ситцу, 150 тыс. (!) штук холста, 1000 штук кисеи для женских вуалей, 3—4 тыс. фесок из Франции или Туниса, шелка, „пряденную бумагу", 500—600 купальных полотенец, 2—3 тыс. ниток для вышивания, 500 ок (около 40 пуд.) индиго и немного красильного дерева, что потреблялось 12 красильными заведениями Тамани; 400—500 ок перцу; 2—3 сотни ок инбирю, из которого „местные жители приготовляли очень крепкий напиток с медом; 5—6 сот ок олова с нашатырем(!) и 100 ок ртути(!); 3000 центнеров свинца для ружейных пуль и сетей; железо в полосах; сухие фиги, черная маслина — „масла деревянного в Черкессию не привозят, потому, что там едят коровье, и, кроме того, вытапливают рыбье"; 4—5 тысяч ок табаку; 2—3 сот ок красок для притеранья лица, белил и румян — „все черкешенки, абхазки и женщины кубанских ногайцев потребляют их в большом количестве"; 4—5 т. пар крымских сапог, кожи, сафьян, ружейные стволы, ножи, луки, иголки, шубы, медные товары, гребни, германские косы(!), французский порох, бумага. Смирниское мыло, „потреблявшееся в Тамани, т. к. черкесы пользуются мылом, которое они сами приготовляют из бараньего сала", и кофе Мокко („французский кофе имеет большой спрос") довершают этот разнообразный ассортимент ввозимых товаров.

Не менее и разнообразен по месту назначения выбор товаров вывозившихся. На первом месте тут стояло „80-100 тыс. центнеров (!) шерсти". Половина этого количества доставляется из Черкессии, другая часть от кубанских ногайцев; шерсть отправляется в Тамань на повозках, оттуда идет в Каффу и Константинополь, вся она мытая (!). Река Кубань, протекающая по всей Черкессии, в этом отношении доставляет большие удобства (150 лет назад Кубань уже использовалась, как водный путь для международной торговли!)". Далее идут 100 тыс. штук чекменей (тут Пейсонель повидимому подразумевает не платье, а сукно), бывшей в большом употреблении во всей Татарии и Турции. „Сын Абдул-Аги, главного казначея Крыма, носит из этой материи белое платье такого хорошего качества, что я принял материю за французское сукно, и мне стоило больших трудов заставить себя поверить, что в этой стране можно найти шерсть, пригодную, для производства столь хороших сукон". Готовые чекмени отправлялись в Крым, Молдавию, Польшу и Турцию. Видное место играл в вывозе мед, подвозившийся по Кубани, а в Тамань на повозках. Вывозилось через Тамань и до 7-8 тыс. ок воска, шедшего в Константинополь. (Если принять, что из каждого улья-сапетки получается в среднем 3 ф. воска, то оказывается, что во времена Пейсонеля край располагал уже 26.000 ульев!).

Далее Пейсонель перечисляет виды вывозившихся шкур животных: 50 т. куньих, 5 т. каменных куниц, 100 т. (!) лисьих, 100 т. волчьих, 3 т. медвежьих, шедших в Бургас, а оттуда в Германию и в Польшу, 500 т.(!) овечьих.

Видное место в тогдашней торговли занимали рабы,

гл. обр. черкешенки, славившиеся своей красотой и наполнявшие богатые гаремы востока.

Упоминает Пейсонель и о прекрасной породе местных лошадей, высоко ценившихся и „внешним видом походивших на английских".

Подробно описывает Пейсонель местные рыбные промыслы. Одним из их центров был в то время Ачу, „снабжавший огромным количеством икры и сухой рыбы. Ежегодно из Ачу вывозят около 3 т. центнеров икры; отправляют ее в больших бочках в Каффу и Константинополь; туда же, в Каффу и Трапезунд отправляется ежегодно и до 2 т. центнеров белуги. Улов сазанов и сулы бывает иногда столь обильный, что не знают куда девать эту рыбу (!), вследствие чего она выбрасывается и гниет на берегу.

Казаки, подданные хана, известные под именем „sari tnad", производят рыбную ловлю в Ачу, начиная с мая до конца октября: в другие месяцы года она невозможна, потому что река Кубань бывает покрыта льдом (Протоку Пейсонель рассматривает, как один из рукавов Кубани). В день, когда начинается ловля, бей устраивает большой праздник". Из Ачу вывозилось ежегодно 2-3 т. центнеров рыбьего жира, — „ногайцы употребляют его в пищу, а татары для освещения", — а из всего края еще и до 100 центнеров рыбьего клея.

Интересно упоминание Пейсонеля о том, что „некоторые купцы берут переводчика, хорошо знающего язык, и непосредственно ведут дело с черкесами; они развозят свои товары из селения в селение по всем племенам, а иногда отправляются дальше и, из'ездив всю Черкессию, доходят до Астрахани и до калмыков. Эти купцы, в сущности, только и наслаждаются выгодами торговли и получают огромные барыши". Не оставляет без внимания автор и условия местного транспорта: „Все товары отправляются и получаются из Тамани в Каплу на телегах, запряженных верблюдами лошадьми или быками; перевозка на верблюжьих повозках, подымающих около 6-7 сот ок, производится только зимой и стоит 20 пиастров из бакликов; конные повозки поднимают от 5 до 6 сот ок и стоят 18 пиастров; тоже самое и воловые подводы. Для перевозки товаров из Каплу в глубь Черкессии употребляют конные и воловьи повозки; верблюдов там нет".

Уже и по этим кратким выдержкам мы видим сколь интересна и ценна книга Пейсонеля для изучения истории экономики нашего края. Разнообразие предметов торговли, отдаленность пунктов назначения и вывоза (Франция, Германия, Польша, Тунис!), большие обороты, — все это свидетельствует лишний раз о наличии еще в XVIII ст. в нашем крае оживленной экономической жизни и самобытной местной культуры. Характерен и интерес, испытывавшийся французским консулом в отношении нашего края и его надежды на пользу для Франции торговых сношений с ним. А ведь это только отрывочные сведения! Сколь много интересного еще быть может таят заграничные архивы о нашем историческом прошлом, сколь богатое поле деятельности представляется здесь для терпеливого изучателя!

Сообщил Инж. **В. Бейсуг.**

Печать о „Вольном Казачестве".

Господам Мякотиным.

В номере 3320 (от 25 прошлого апреля) Милюковских „Последних Новостей" г. В. Мякотин в статье под названием „Казакия" (конечно, в кавычках) посвятил Вольному Казачеству свое благосклонное внимание по случаю выпущенного редакцией „В. К." „Календаря-альманаха В. К. на 1930 год".

По существу, г. Мякотин ничего, собственно, не сказал ни своего, ни нового, а ограничился или найденными им в календаре „противоречиями" или просто пытался... „иронизировать".

Не будем вступать в „переписку" с людьми, говорить с которыми человеческим языком совершенно безнадежно. Календарь свой мы выпускали, действительно, не для господ Мякотиных, а для казаков. Господину же Мякотину можем признаться, что его „информации" о том, что наша „неумная работа", „как показала (?) уже жизнь (!), не может найти себе сколько нибудь серьезного сочувственного отклика в рядах казаков", — не отвечают, мягко выражаясь, действительности. Тот отклик, который В. К. нашло в рядах именно казаков, нас весьма и весьма удовлетворяет и мы совсем не „пытаемся" (как пишет г. Мякотин) „продолжать" свою работу, а просто продолжаем и продолжать будем.

Те из казаков, которые читали статью Мякотина, обратили, конечно, внимание, как некоторых русских „демократов" (г. Мякотин, кажется, б. русский народный социалист) передергивает одно казачье утверждение о том, что Казачество — это тоже народ, который может иметь и свою историю и свои политические и государственные идеалы в настоящем и будущем. Вот господа Мякотины это иметь могут, а мы, казаки, нет, — с нас достаточно того, что о нас и для нас скажут они, Мякотины.

А мы вот вам, всем господам Мякотиным заявляем, что больше вас слушать не будем; об истории своей — пороемся сами в прошлом; о будущем своем — тоже спрашивать вас не будем.

Ищете противоречий? — Ищите. Только смотрите, чтобы и мы их у вас не нашли. Во всяком случае, сначала посчитайте, чего больше: „логики" или „противоречий" в исторических трудах русских историков или — того и другого в жизни русского (великорусского) народа в прошлом и, особенно, в настоящем.

Нервничает и Керенский.

Приближение советско-большевицкого конца не на шутку тревожит некоторые русские эмигрантские круги. Особенно боятся за „единую, неделимую", в связи с ростом национального самосознания у народов теперешней РСФСР или СССР. Сепаратисты и самостийники не дают сейчас многим спать. „Беспокоющиеся" не хотят, конечно, посмотреть действительности в глаза, а обманывают себя и стараются обмануть других все тем же старым и изношенным — „иностранной интригой".

Не хочет Казачество погибать от всяких коммунизаций и коллективизаций теперь или неизвестно еще от каких опытов и эксперимен-

тов в будущем, а хочет жить, — значит „интрига“; не хотят гнуть спину Москве украинцы или грузины, а хотят тоже жить по людски, — значит тоже „интрига“.

Так вот и господин (или товарищ?) Керенский в последнем номере (86) своих „Дней“ бьет набат по поводу всяческих „козней“ сепаратистов и призывает „готовиться к участию в событиях, которые в любое время могут наступить помимо и вопреки нашей (т. е. Керенского и др.) воле“. Даже предлагает „в целях подготовки“ создать междупартийный широкий союз „социалистической и буржуазной демократии“...

Это правда, что события могут наступить в любое время. Готовятся к ним давно все. Только — по разному. Готовимся и мы.

По страницам газет и журналов.

„Бюллетень оппозиции“ (большевиков-ленинцев). Париж. № 10, апрель.

Издаваемый при ближайшем участии Троцкого орган левой оппозиции К. П. интересен в том отношении, что в процессе борьбы с личностью Сталина на его страницах нередко вскрывается вся гнойная рана партийных порядков в СССР. Не мало таких разоблачений приносит и апрельский номер. Так, из статьи об убийстве Блюмкина мы узнаем, что Ленин в своем завещании указывал на „нелойяльность“ Сталина, на его „склонность к злоупотреблению властью“; раньше же выступал против назначения Сталина генеральным секретарем, выражая опасение, что „этот повар будет готовить только острые блюда“. В „открытом письме членам В. К. П.“ Троцкий критикует коллективизацию и сознается, что „под прямым действием чисто административных мероприятий в 1928-29 г. в борьбе за хлеб коллективизация достигла такого размаха, который никем не был предвиден и совершенно не имеет опоры в наличных средствах производства. Отсюда неизбежно вытекает перспектива распада большинства колхозов, сопровождаемого глубокой внутренней борьбой и длительным подрывом нынешней, и без того крайне низкой производительной силы сельского хозяйства“. Интересный материал о внутренней разрухе дают также „Письма из СССР“.

„Дни“. Париж. № 85, апрель.

Парижский еженедельник Керенского остается и в этом номере верен себе традиционной бессодержательностью. Сам Керенский на сей раз ограничивается тремя заметками: „Артур Гендерсон и лорд Мельчетт“, где автор с огромной самоуверенностью заявляет, что он „очень хорошо знает психологию и умонастроение руководящих членов нынешнего английского правительства“; „Ставка на распад“, где Керенский обрушивается на „самостийников“, и „Конец сменовеховству“, олицетворением которого в глазах Керенского в данном случае является проф. Устрялов.

„Информация“. Непереодический орган калмыцкой комиссии культурных работников в Ч. С. Р. № 1, апрель. Прага.

Изданный литографским способом журнал является этапом на пути к созданию „своей национальной прессы в виде хотя бы самого скромного журнала“, т. е. того, что Калмыцкая Комиссия считает „своим особым и важным делом“. Информация начинается обращением к читателям на русском и калмыцком языке. Около 30 стр. дальше посвящается юбилею Президента ЧСР Масарика, имя которого, судя по многочисленным приветствиям, пользуется широкой популярностью среди калмыков и за пределами той страны, где нашла себе приют Калмыцкая Комиссия. Личность Масарика всесторонне освещена очерками Б. Уланова, Н. Уланова, С. Баянова, Э. Николаева. В столь же теплых словах пишет Д. Ремилев и о недавно скончавшемся выдающемся чешском писателе А. Ирасеке. Очерк о деятельности Комиссии и ряд писем из-заграницы дают интересный материал из жизни калмыцкой эмиграции.

„Россия и Славянство“, № 74, 26-го апреля, Париж.

Очередной номер „России и Славянства“, органа „национально-освободительной борьбы и славянской взаимности“ довольно беден в своей политической части. По обыкновению, скучен „Дневник политика“ П. Струве. Интересный материал читатель найдет в статье А. Соловьева „Сербское Патриаршество“. Отдел „Экономической недели“ на сей раз несколько бледнее обычного, но все же дает ряд интересных сведений по экономике ЧСР (статья Н. Жекулина) и СССР („Кредитная система в СССР“, — статья В. Соллогуба). В целом, последний номер слишком мало уделяет внимания своей основной теме — славянству.

Казачья печать.

„Кавказский Казак“. Вышел №4 (82). В номере поздравление казаков с Воскресением Христовым от Кубанского Войскового Атамана, его приказы и распоряжения, много хроники казачьей эмиграции, отчеты о состоянии разных фондов, рецензия Г. Науменко на книгу Елисеева, письма с Кубани, довольно интересный отзыв „казака-слушателя“ на доклад Маслова в Белграде о жизни в Северокавказском крае, письмо генерала Павличенко, письмо казака Фесенко из Канады и много другого информационного материала.

Последние четыре страницы журнала всегда отводятся под Терский отдел, который имеет свое отдельное название „Терский казак на чужбине“, содержащий информацию от Терского Атамана о жизни терцев.

———

„Родимый Край„. Вышел №4. В номере есть поздравление от Об'единенного Совета Дона Кубани и Терека казаков с праздником, стихи, рассказы, исторический очерк, обычная информация о жизни казаков в эмиграции, письма из дому и пр.

Казачья эмиграция.

В Перу.

Редакцией „В. К.“ получены от ген. Павличенко некоторые документы, характеризующие жизнь казачьей колонии в Перу. Помещаем ниже приговор общего собрания казаков группы генерала Павличенко в республике Перу. 1930 года, 17 марта, город Тамбо.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки группы генерала Павличенко, выслушав на сегодняшнем собрании сообщение последнего о тех нападках против него, как руководителя казачьего дела в Перу, которые ведутся как в печати так и в частных письмах некоторых казаков нашей же группы, чем ослабляются наши казачьи позиции и что ведет в пользу бывшего концессио-

нера Королевича, настоящим постановили довести до сведения Войсковых Атаманов Дона, Кубани и Терека, а также и всего Казачества за рубежем о нижеследующем.

1. Выражаем полное доверие генералу Павличенко, как представителю Войсковых Атаманов в Перу, готовому довести до конца дело поселения казаков на землю. Когда выяснилось недобросовестное отношение к делу колонизации казаков на реке Апуримаке концессионера Королевича, видевшего в этом лишь возможность получения кредитов от правительства и ничего не давшего для организации колонии, генерал Павличенко с'умел вырвать нас из рук эксплуататора, добившись перевода колонии в Правительственное ведение. Это было сделано лишь благодаря его поездке в Лиму с джигитами, в каковой поездке многие усмотрели лишь стремление к личному благополучию, на основании чего и повелась беззастенчивая пропаганда. Но генерал Павличенко, вернувшись к нам в самое критическое время, когда на Апуримаке назревала катастрофа, вывез нас оттуда, переведя всех в Тамбо, где мы живем, получая правительственное пособие, в ожидании выбора нового района для поселения, при чем, на сей раз земли будут выбираться уполномоченными правительства в присутствии генерала Павличенко с участием и наших представителей.

2. Против поселения на землю, после неудачного первого опыта и вследствие сильной малярии, которой до сих пор болеют многие, ведется сейчас сильная агитация людей из нашей же среды, при чем замечено, что в большинстве случаев агитируют люди даже не видевшие Апуримак. Напуганные болезнями и трудностями первого периода, они уже не верят в возможность процветания на земле, многие из них хотят уйти в города на фабрики и заводы или вернуться в Европу, а о создании большого казачьего дела уже не думают.

Генерал же Павличенко, на общем собрании заявил, что должен бороться до конца и, в крайнем случае, один пойдет на Монтанью, чтобы еще раз попробовать создать благополучие наше и казаков, которые сюда потом последуют за нами, на земле. Если же и 2-я попытка на лучших местах, где по слухам уже нет болезней, не удастся, то генерал Павличенко обещал, как привел нас вместе, так и вывести из тяжелого положения вместе всех, а не позволяет разбегаться по одиночке, ища личного спасения и забывая об общем деле.

3. К большому прискорбию, есть люди из нас, которые, уходя из колонии по причинам личного характера, топят потом на стороне наше общее дело, угождая или Королевичу или личным врагам генерала и вообще казаков. Таковые есть также и среди нас, которые или в пьяном виде или по мелочной вражде делают тоже самое и здесь. Отсюда и идет вся та злостная пропаганда, которая вредит нам и здесь и докатывается и до Европы.

4. На основании всего изложенного просим впредь верить лишь официальным информациям генерала Павличенко или же приговорам общего собрания казаков. Неответственные же выступления отдельных лиц, забывающих о казачестве, во внимание не принимать. Мы же, пошедшие за генералом сюда, пойдем за ним еще раз и в Монтанью, чтобы на земле завоевать казачье счастье и доказать нашу работоспособность правительству, которому Королевич и Ко напевают, что казаки вообще — элемент негодный для колонизации. Удастся нам это сделать, наши братья казаки последуют за нами и, приехав сюда, найдут действительную организацию, а не тот хаос, который видели мы у Королевича. А провалится и эта попытка, верим, что генерал Павличенко выведет из тяжелого положения, ибо, как он сказал: „В единении сила".

(Следуют 41 подпись казаков).

О Перу.

В №. 54 „В. К." была помещена копия письма генерала Павличенко к Войсковым Атаманам. Из этого письма видно, какое несчастье постигло казаков, эмигрировавших в Перу, поехавших туда, как говорят, вслепую. От'езд первого эшелона казаков колонистов в Перу во главе с генералом Павличенко было ни что иное, как увлечение, за которое дорого приходится платить казакам. Но ведь собственно говоря, это только цветочки. Я не иду против идеи генерала Павличенко, наоборот от души желаю ему счастливого успеха.

Когда уехало в Перу 70 казаков, то это одно, а когда намечается перебросить туда 25 тысяч, то это уже, господа, вопрос довольно серьезный, и нам, казакам, нужно поговорить о нем более обстоятельно. В былые времена, когда были большие незаселенные пространства, вопрос переселения был более легкий, тогда казаки имели свои привычки и свои законы, которыми и пользовались. В данном случае едут в государство, которое имеет свои законы. Правда, казакам, приехавшим в количестве 25 тысяч, не перевернуть его законов, но, в свою очередь, казакам желательно будет, если не полностью, то хотя отчасти устроить свою жизнь так, как они к ней привыкли.

Поэтому, прежде чем ехать в Перу, каждому казаку нужно знать права и обязанности в республике Перу. Самое главное казаку, как земледельцу, желательно знать: сколько он будет иметь земли. На правах собственности это или аренды. Второе, будут ли казаки платить налог, какой и как? Внутренний порядок станиц, выборы атаманов, наблюдение за порядком в станице, станичный суд, сбор и т. д. Дальше идет вопрос о воинской повинности, сколько лет действительной службы, кому подчиняются казачьи войска, сколько выставляют в мирное и военное время и на кого будет ложиться снаряжение. Затем идет вопрос школьный: за чей счет будут содержаться школы, на каком языке будет преподавание, кому будут подчиняться школы и кому будет принадлежать право открытия школ: низшей, средней, высшей и специальных. Медицинская помощь и, самое последнее, торговля: постройка фабрик и заводов, шахт и железных дорог, пользование водой рек, заселенных казаками. Одним словом, чтобы казаки на новой родине не очутились в таком положении, как в бывшей России, от которой Казачество все время бежит во все стороны, ища для себя лучших жизненных условий.

Е. Т. (Морава).

Разведка в Перу.

Истинное наше положение.

Наконец, надоело молчать мне,
Я решил рассказать казакам,
Про разведчиков их, — про кубанцев,
Чтобы истину знали все — там.
В Перу встретили нас превосходно:
Все кричали урра!.. милльон раз...
Потому что драть горло здесь модно,
Иль, чтоб выразить лучше экстаз.
Два дня щупали только папахи,
Наговицы, чувяк, поднаряд...
Хуже дикого племени „пахи"
Окружали дней пять нас подряд.
Рассмотрев, посадили в вагоны,
Повезли в безизвестную даль
Через горы, овраги и бездны,
Чтоб нас больше никто не видал.
Больше суток неслись по чугунке,
Один день „самопер" нас тащил,
А затем „пешприемам" пластунским
Королевич два дня нас учил.
Наконец, показалося Тамбо*)
Ряд развалин нас ждал под горой,
Но подумали, тут — нам и амба!..
Может выдержать, кто сверх-герой!..
День лежали, кряхтя все от боли,
На другой, — а ну, марш, на работы!..
Что? Не идешь? Не получишь пол-соли!..
И лежи ночи три до-икоты!..
Взяли все мы кирки и лопаты,
Заработала в горах — разведка,

*) Тамбо — невзрачное индианское село.

Только эхо неслось в Маркопаты,*)
Да звенела по камням брулетка.
Тверд гранит, гнет бесжалостно лом,
Надрываяся, стонет бедняга казак,
Уж, заметен в душе у него перелом...
Отступать-же не хочет разведка — назад...
Разве камень взрывать мы стремились сюда?
Понеслись голоса по шеренге...
Где земля? Королевич! Веди нас туда!..
А за труд заплати ты нам деньги!..
Завопил Королевич: Какая земля?
Да вы, что? Оболдели, Ей Богу!..
Земли хватит для всех, не болтайте вы зря!..
А кончайте-ка лучше дорогу!..
Так сидели дней семь, ожидая земли
И уплаты за труд наш — казачий.
Как младенцы, наивно, все верили мы,
А он дал нам как раз...
Через семь ровно дней прилетает Петро,
И кричит с Василем, знать, „дуэтом“:
Подождите, мерзавцы, покажем не-то!..
А теперь, марш в тайгу!.. Пока лето!..
Ни обоза, ни мула, — погнали пешком...
200 верст все по безднам и горам, —
По оврагам тянулась разведка гуськом...
Эх, Кубань... Запевали все хором.
Шли, ползли, наконец и привал...
Говорят, мы пришли, Слава Богу!..
Один ужас кругом, каждый шепчет: пропал!
Повалившися в грязь, проклиная дорогу.
А спустя дня два, три, побросав нас в тайге,
Разлетелося — наше начальство...
. . . . . .
. . . . . .

Отдохнув, подостали кривые ножи,
Кто топор, кто пилу, кто мачету...
И рубили на-чисто, от межи, до межи,
Подсушив, поджигали дрянь — эту.
Не страшны, ни укусы вампиров были,
Ни других насекомых плеяды,
Дни за днями, недели вперед все плыли...
В результате — осилили яды...
Все препятствия были ничто казакам,
Но, столкнувшись с всесильной природой,
Повалилась разведка, кто здесь, а кто там,
И прощались в слезах со свободой!..
Крики страданий и вопли в бреду,
Разносилися эхом в Монтаньи...
А ответом — ночами рев зверя в лесу,
Давал знать о своем нетерпеньи.
Разведчик, валяясь на голой земле,
Вопит: братец-станичник, не дай умереть...
А от братцев остались лишь тени одне,
Жив иль нет, трудно было порой рассмотреть.
Так лежали три месяца, пытки терпя...
Больные, врача нет в помине.
Королевич кричит: Так и нужно чертям!..
Пусть спасет генерал, ведь он в Лиме!..
Наконец, вспомнил клятву свою атаман,
Пожалел он губить — Дон-Кубани детей,
Он стрелой полетел на Монтанию к нам,
И заплакал, увидя страданья людей.
Да забыл я про землю еще рассказать,
Что на двадцать гектаров очистили мы,
Поспешили засеять, рассад насажать,
И овец завели, и постройки были.
Не напрасно назвал Королевич тайгой
Наши земли, куда он нас сплавил...
Заливная земля, климат жаркий, больной,
Он, на верную смерть нас отправил...
На сто верст вокруг нас
Не живет ни души, только горы да лес
окружают...
Никаких нет дорог, есть в лесах лишь —
пролаз...
Меж лиан, что Монтань обвивают.

*) Маркопаты — провинция, лучше нашей, где осела группа г. Лысенко.

И в году все сто дней льют дожди день и ночь...
Отрезая весь мир от Монтаньи,
А река, разлившись, снесла прочь
Все казачьи труды и старанья.
Посмотрел генерал, покачал головой,
Обозвал инженера мерзавцем...
В направленьи на Тамбо повез нас „домой“...
Разорвав отношенья с „продавцем“...
И до сих еще пор все больные лежим,
Думу думаем, как бы спастися...
Не закончен наш долг, посему не бежим...
Мы хотим со всем миром снестися!..
Ведь Америка южная так велика,
Что найти здесь искомое можно,
Генерал снова наш, а с ним „права рука“,—
Поведут уж теперь о с т о р о ж н о !..
Ошибается тот, кто работает век...
Ошибаются все, и министры...
И наш — батько не Бог, а простой человек...
Он мог — тоже легко ошибиться!..
Осталось меньше ждать, мы исполним свой
долг!..
Еще месяца два — напряженья...
И увидим в Америке, наших — „дедов“!..
Это выполним мы, вне сомненья!..
Не хочу я сказать: это будет в Перу...
Может сядем в другом государстве...
Апуримак совсем ведь я в счет не беру,
Говорю о всем южном пространстве!..
Мы пережили много страданий и мук...
Измены, болезни и холод...
Но, разведка казачья не вешает рук!..
И не страшен уж нам теперь голод!..
А так то подумать, не все-ли равно,
Где кости оставить казачьи?..
Вернуться на родину нам не дано!..
Жизнь вести надоело собачью...
Вот и все, что осталось в удел...
Найти родину, стать хуторами...
Собираться всем здесь, да и всяк — свой
надел, —
Культивируя — править дворами.
Распрощаться придется с Европою нам...
Десять лет ей — все строили хаты...
Еще хуже, — забавой служили панам...
За поповско — спасибо, без платы...
Десять лет развлекаем всех мы — казаки,—
Джигитуем, поем и танцуем...
Лишь намек о земле, — кричат: Марш в
батраки!..
Мы довольно и так вас балуем. —
Вот теперь и живи в атмосфере такой,
Поневоле махнешь в океанскую даль...
Десять лет проплясали, — пора на покой...
Кто не хочет, не надо, чти отсюда — мораль!..

Ст. писарь Апуримак. станицы **Д. Ветров.**

Из жизни калмыков в Лионе.

В местечке Десине, под старинным городом Лионом, в районе шелковых фабрик, снабжающих шелками всех сортов не малую долю мира, живет и работает нас, калмыков, около 150 человек. Не будет преувеличением, если сказать, что эта колония самая большая из всех калмыцких колоний во Франции. Наряду с добыванием хлеба насущного, кое-как теплится здесь и жизнь общественная. Есть „Калмыцкий хутор“, есть небольшой хор, получаем и следим за Калмыцко-Казачьей печатью; все случаи общего, национального характера стараемся проводить сообща, организованно.

В последних номерах „Вольного Казачества“ мы с удовольствием и интересом прочитали о том, как проводили наш праздник „Цаган“ наши братья в Чехии и Сербии. Вот и мне, хоть несколько запоздало, хотелось тоже поведать моим братьям, что и мы живем и не забываем наши национальные обычаи, законы религии и народной традиции.

Для организации праздника мы произвели добровольный взнос на наем помещения, на проезд из Нан-

Хор калмыцкого хутора в Десине.

та Бакши Нимбушева для совершения праздничной службы — всенощной и накрытия традиционного стола и пр.

Молебен бакши, совершенный по всем требованиям Буддийской религии, у многих из нас вызвал воспоминания о родных станицах, где таковые совершались в переполненном храме, полным составом духовенства. Бакша Нимбушев, при помощи своих товарищей Гилюнов: Шандронова, Харцогинова, Андреева и Бадмаева, своей проникновенной службой с'умел и в здешних, ненормальных условиях создать полную иллюзию и соответствующее настроение у молящихся, которых было так много, что некоторым пришлось стоять на дворе.

По окончании службы, ранней зарей, бакша открыл праздник, поздравил мирян с радостным событием, с победой добра над злом, символ чего празднуется в этот день. Песенники Кавринов и Чулькин с традиционной песней поднесли бакше первую чашку чая. Дальше праздник пошел по обычному руслу, с неизбежными визитами, танцами и песнями и т. д. На второй день устроили банкет, на котором говорилось много речей, теплых и хороших речей... Музыканты — В. Пуринов, Умадыков, Мосеев и Саранов дали возможность вдоволь натанцеваться и повеселиться.

15 марта, в Лионе устраивался концерт в пользу нуждающихся детей эмиграции. Калмыцкий хутор был приглашен к участию, и мы сочли необходимым помочь и выступали на концерте со своим хором и танцорами. Хорошо спевшийся хор, под управлением Учура Алексеева, своим прекрасным исполнением старинной калмыцкой песни, с ее мягким, слух чарующим, плавным мотивом вызвал у слушателей восторженный прием. Танцоры тоже имели явный успех, выразившийся в дружных аплодисментах и повторных вызовах.

Так выполнили мы долг перед детьми эмиграции. Наш маленький хор, наш кружок танцоров думаем дальше развивать, думаем поставить какую-нибудь сцену из калмыцкой жизни. Хутор наш, под умелым руководством атамана Санжи Балданова, растет, ширится; у граждан нашего хутора ключем бьет проснувшееся национальное самосознание. Вот так живем мы в ожидании часа, когда будет освобождена Божьей и нашей волей наша родина, наши родные степи, где сейчас царит произвол над душой и телом народов Казакии.

Бадма Иванов. (Десине).

Пасха у казаков в Томашеваце.

Праздник Христова Воскресения группа казаков Есауловцев, во главе со своим атаманом, встречала и провожала в селе Томашеваце (Банат). Встреча была почти такая же, как и в прошедших годах. В этот столь радостный и великий день, казаки подали руку друг другу и, обнявшись по братски, приветствовали один другого радушным Христос Воскресе — Воистину Воскресе!

Вот они уже десятый год вместе, в одном и том же селе встречают по своему по-казачьему эти Великие дни. В душе их грусть и тоска по далекой родине, по своему родному краю, где у многих остались дети, жены, матери и отцы. Как и всегда, казаки тепло выражали наилучшие пожелания на скорое свидание с родными, оставшимися на родине.

Ранним весенним утром, когда раздался Пасхальный звон, здесь в местной Сербской церкви, не слыша звуков своего родного колокола, казакам стало тяжело и скорбно, но Слава Богу, что живем все же в православной стране и имели возможность пойти помолиться в Сербскую церковь, встретить этот наш торжественный праздник.

На второй день Пасхи приехали казаки Верхне-Курмоярцы и Кубанцы из соседнего села Орловата, которые были исключительно из рядов Вольного Казачества. После прочтения массы поздравлений, казаки переходят к рюмке водки. Первый тост произносит И. Ф. Темирев за обоюдное казачье Христос Воскресе, сменное громким и долго не смолкаемым „ура" вольным казакам; второй тост за Дон широкий, Кубань вольную и Терек бурный поднял Ф. М. Чернов — кубанец. И много, много чередовалось тостов, в которых больше всего упоминались свобода и независимость Казачества. Потом, как всегда, перешли к родным казачьим песням, так роднящим казаков на чужбине. Так радостно, и вместе грустно, кончили казаки праздник на чужбине.

Г. Алферов.

К кубанцам...

В единении сила!

(Письмо в редакцию).

Это так старо и так понятно, что о нем распространяться не приходится. Но в наши горькие годы изгнания — это как то не всеми усваивается.

К Вам, братья Кубанцы, мы обращаем свой взор... Нас во Франции до 1.000 человек. И кого же? Ушел заграницу весь здоровый казачий люд. В цветущих годах ушли заграницу строевые казаки целыми полками и со своими офицерами. Ушли с ними все Кубанские герои-вожди. Ушли даже старики, жены, дети...

И вот нас во Франции до 1.000 кубанских казаков, — здоровых, крепких и сильных — вкусивших и сладость привольной, мирной жизни на родной Кубани-матери и перенесших всю тяжесть смуты и войны, потерявших и хозяйство и семью и широкие, богатые станицы и Родину... Оросив все это горе своей кровью казачьей алою да вдовьими слезыньками горючими...

Тернистый путь пройден. Горе переполняет все наше существо... Восхода зореньки не видно... Кругом

изгнанническая ночь... Погнулись казаки и забыли, что в единении — сила...

1.000 кубанцев... Ведь это целый полк! И полк тех людей, кто в многочисленных боевых переделках воочию познал, что значит — единство духа, что значит — взаимная выручка, поддержка, что значит — душа в деле, на чем зиждется залог успеха.

И вот, несмотря на все это, несмотря на то, что всех нас духовно об'единяет одно магическое слово Кубань, — все же, мы, Кубанцы, недостаточно об'единены во Франции. Меж нами мало живой связи, мало живой работы, нет тесного здорового общения, мало настоящей действенной поддержки и, за неимением Войскового центра — затерто лицо Кубанского казака, здесь, во Франции.

Это дело негоже... Жизненных вопросов много. Их нужно предусмотреть и разрешить. У нас есть беспомощные старики. Некоторые теряют силы, калечатся на заводах. К иным приближается старость. Всем им должна быть оказана поддержка и поддержка своевременная, и кем же, как не нами, самими же Кубанцами.

Годы идут, жизнь мнет нас, на душе невесело... И чем дальше, сирых будет все больше и больше. Нам нужно заглянуть вперед и поглубже. Правление Общества Взаимопомощи при Кубанской казачьей станице в Париже предлагает всем кубанцам во Франции заглянуть в свою душу и поискать там чувство долга перед завтрашним днем. Оно зовет всех кубанцев войти в свое Общество Взаимопомощи. 10 франков в месяц для трудолюбивого казака — это гроши. Да они и остаются его собственностью навсегда, за вычетом незначительных расходов по канцелярии. Мы вас зовем к нам придти, родные кубанцы, для общей нашей Взаимопомощи.

Придите... Наш адрес: 1, rue Lourmel Paris 15°.

Председатель Правления: **Гладков.**

Члены Правления: Полков. **Елисеев,** Вольноопр. **Чернышков.**

Казначей: к. р. **Уваров.**

Наши новые культурные силы.

В весеннюю сессию выпускных экзаменов в 1930 академ. году окончили Украинскую Академию в Подебрадах следующие кубанцы:

По экономическому отделению инж. Гр. Гер. Лошенко; по агрономическому: инж-ры Ив. Ф. Пащенко, С. Н. Слива, А. А. Троценко, Гр. С. Червоный и Ф. М. Штовхань.

Первый из них прибыл в Чехословакию в 1926 году из Югославии, остальные из Болгарии по окончании там среднего с-хоз. училища. Эти молодые инженеры являются наимладшей генерацией нашей кубанской эмиграции, в 1920 г. покинувшей родной край. В большевицкую войну они со школьной скамьи вступили в свои казачьи части, в рядах которых перенесли все ужасы борьбы за Вольную Кубань, побывали на о. Лемносе и, когда в эмиграции явилась возможность продолжать свое образование, — взялись за науку и в конечном итоге с честью довели это дело до конца.

Дай Боже вам сил и здоровья, чтобы дождаться более счастливых дней и применить свои полезные знания на пользу Родного Края.

М. Ч.

В Казачьих Землях.

„Фейерверк цифр" на Тереке.

Коммунисты, разрушая старый строй и управление хозяйственной жизни страны, и переиначивая экономическую жизнь, на свой „пролетарский порядок", не учли одного весьма важного закона экономической политики. Известный ученый и кооператор Шарль Жид говорит: „Чрезвычайно легко совершить революцию — ведь достаточно 2—3 дней, чтобы свалить любой трон... Но чтобы наладить разрушенные экономические отношения, бывает, иногда, недостаточно и десятилетней систематической, упорной, самоотверженной работы многих! Подобно тому, как из глубин океана, при спокойном состоянии воды, невидимый для глаз посторонних, мельчайший мир полипов-коралов выдвигает на поверхность целые острова, то и экономическая жизнь может быть налажена, только при спокойной (не ударной) обстановке, продолжительной, совместной, непрерывной работе быть может целого поколения". За пренебрежение экономических законов большевиками страдает население СССР и, в первую очередь, конечно, Казачество, как проживающее на наиболее экономически развитых землях, в т. наз. экспортных базах. Само собой понятно, что весь экспорт идет с Казачьих Краев „по твердой цене" — в Москву. Чтобы хоть немного скрыть свои поражения на аграрном фронте Казачьих Земель, большевики все время продолжают кричать, весьма назойливо, о своих достижениях, успехах и сверхпланах в этих областях. Под заглавием „Фейерверк цифр" была помещена напр. статья в №. 5 „Советская торговля" за 1930 год. Появление этой статьи в советских кругах вызвало некоторую сенсацию и я, поэтому, позволю себе, привести из нее кое какие выдержки.

Статья начинается так: „План контрактации молочных продуктов на Тереке выполнен на 139%. На лицо блестящее выполнение заданий центра."

Славно вышло на бумаге.
Но забыли про овраги,
А по ним ходить...

Но почему же не хватает в кооперативах молока, совсем отсутствует масло, сыр? На Тереке, где всегда было обилие дешевых молочных продуктов, сейчас с трудом достаешь молоко и то не в кооперации, а у „частника". Эта мишура вскоре была раскрыта сопоставлением цифр с другими цифрами: заготовка в январе всего лишь на 44%, в феврале на 12% и в марте 0% месячных планов. Получилось, что контрактовали не молоко, а цифры. Работники молочной кооперации успешно роздали концентрированные корма населению, подписали договор и на этом успокоились, ожидая, когда к ним понесут молоко.

Никто не сомневался, что население охотно будет брать жмыхи, отруби, сено и не в этом заслуга, чтобы раздать корма — это ведь дело не хитрое. Но когда пришло время заготовлять молочные продукты, то было подсчитано, что необходимо кругом на душу населения ½ литра молока. И все, кто даже раньше не пил молока, стали забирать свою норму, благо это бесплатно. (Некоторые колхозы умудрились даже от общественного удоя раздавать всем бесплатно по ½ л. в день на душу). Начали подсчитывать и стало ясно, что молока для вывоза нет, а все надо оставить населению.

Отдельные работники заставляли жителей станиц и аулов сдавать товары в кооперативы по твердой цене, но это лишь ухудшило дело. На одном базаре удалось заготовить 10 пудов масла, по твердой цене, а к следующему базару привоз прекратился и целый город (Георгиевск) остался без молока и масла. Характерно, что молочная кооперация не только не удовлетворила местное население маслом, но даже рабочим индустриальных центров не дала ни одного фунта.

Относительно небывалых сверх успехов по контрактации скота в Терской области, тоже можно сказать, что „местные заправилы и распорядители судеб Казачьей Земли, контрактовали лишь цифры, а не скот. В феврале и марте в „Правде" и „Известиях" непрерывно писали, что контрактация на Тереке идет сверх плана, ряд станиц попал даже на „почетную красную" доску, равняйтесь остальные районы по Тереку...

„Приезжие из России, из центра не могут налюбоваться на огромные количества всевозможных сортов прекрасного мяса, свиного, говяжего, баранины, не по-

мещающегося на прилавке (часто уже начало гнить и портиться) и притом его продают по таким низким довоенным ценам"! „Ах, как у вас, дешево и как много мяса... Мы уже о таком прекрасном мясе в „центре" давным давно забыли, а цена такая, что пожалуй нам никто и не поверит, когда будем рассказывать подругам в Москве" весело щебечут нахлынувшие, как губительная саранча, на Казачьи Земли жены и „содкомы" московских сановников и спецов...

„Вдруг" оказавшееся на рынке огромное количество всевозможного мяса об'ясняется очень просто. Жители пред поступлением в колхозы (т. н. добровольным, иногда с помощью и пулемета), распродавали часто за бесценок, весь свой живой инвентарь, не желая ничего отдавать „на комунию". В 3—4 месяца почти весь скот в Терской обл. был уничтожен и в настоящий момент контрактация не превышает и 10.000 голов. По отдельным районам контрактация едва достигает 2%...

Значительно хуже обстоит дело со свиньями, их законтрактовано всего в действительности 23 головы (по сведениям „Красной газеты" №. 93, 1930 г. на Тереке имеется всего 803 свиньи). „Правда" пишет: „Откорм свиней не удовлетворителен, кабаны и свиньи худые, без сала. К большим неувязкам надо отнести слабость организации районной животноводческой кооперации. Животноводческий союз до сего времени даже не знает, сколько им самим передано скота в колхозы, о численности скота в колхозах сведений совершенно нет. В большинстве случаев животноводческая работа идет в потьмах, на ощуп"... Стопроцентная работа терских „потребилок" тоже оказалась... падучей звездой.

Красная рабочая бригада сделала „налет" и детально обследовала Т. Р. Ц. Кооператив, где обнаружила превышение наценок на готовое платье, покупка велась у частника, разнобой цен в отдельных магазинах на одни и те же товары, на складе обнаружены огромные товарные запасы нераспроданных асортиментов дамских шелковых подвязок, лайковых перчаток и... ночных горшков. Целый состав правления Т. Р. Ц. К. получил строгий выговор...

До своей оккупации, Красной Москвой, Терский край помнит „иную кооперацию и 4.000.000 голов разного скота. Большевицкий фейерверк ярко осветил жалкую картину попыток заранее обреченных на неуспех, возродить Казачьи Земли без участия исконных владельцев их — Вольного Казачества.

О. Батурин.

Коротко и ясно.

Станица Зольская, на Тереке, пишет „Правда", 14 апреля, переходит в колхоз. Идет собрание в школе.

— Давайте разберем устав по пунктам.

— Просим раз'яснить план колхозного строительства! — раздаются голоса.

Проводивший собрание „товарищ" на это неожиданно разразился бранью и угрозами... „Мое предложение: одобрить план, а не одобрите, вышлем горлопанов на Соловки, тогда будут знать как кричать!"

„Нет раз'яснительной работы, много наскоков. Выедут, доклад сделают и думают — все, колхоз состряпан", — пишут нам с Терека — скромно добавляет „Правда" к сведениям о предложении станичникам станицы Зольской прокатиться на Соловки.

Колхозная бестолочь.

Не сегодня-завтра выезжать на работу, а в совхозе „Амовец" (Хоперского окр.), читаем в „Правде", 13 апреля, только теперь начали рассылать машины по местам. Сборка и рассылка машин не закончены.

Рабочие не знакомы с системой сцепок и прицепок машин к трактором, мучаются, толкутся на одном месте; машины — как их ни прицепят — не работают как надо. Нет приспособлений для нормального разлива горючих материалов и заправки тракторов, даже леек нет. Таскают керосин ведрами и поливают им землю. Учета по расходованию горючего топлива никто не ведет и не отвечает за это.

До сих пор неизвестно, сколько нужно трактористов — рулевых, в результате чего два раза отправляли обратно прибывающих по путевкам из Урюпина трактористов.

Не установлено кто, где и что должен делать, чем распоряжаться, за что отвечать. В результате ежедневно можно наблюдать бестолковый шум и толкучку в центральной экономии. Рабочие ходят по 3-4 дня без дела. Бестолково мечется ряд руководителей.

Так было, так будет.

Колхоз действительно паршивый в станице Старо-Корсунской, Куб. окр., читаем в „Известиях", 20 апреля. Началось это еще тогда, когда под нажимом района проводилась в административном порядке сплошная коллективизация. Сейчас картина ясная: у старо-корсунцев охотников в колхоз было, ну, половина. Остальных „втянули" — запугивали, нажимали. И — все же нашлось 46 хозяев, которые категорически отказались идти в колхоз. Так им отвели землю наравне с кулаками и лишенцами: нате, мол, вам, гады!

Ну, об'явили колхоз существующим и начали хозяйничать. С нажимом, с обысками зерна заготовили 81% „обобществили" лошадей. Очень живо стравили кулацкий, конфискованный корм. А потом — пошли по дворам насильственно обобществлять корм. И ходят до сих пор, несмотря на директивы о борьбе с перегибами. Впрочем, тут уже виноваты не только местные работнички, но и директивы из центра. А в числе директив была и такая: исключить из колхоза несдающих семзерно, забирать у них все — и инвентарь, и скот, и т. д., — это де все обобществлено, это уже собственность колхоза!

Понятно, чта за грудой таких действий был забыт сам колхоз, хозяйственная сторона дела. Кулацкое имущество — без дозора, расхищается. Никто не знает, сколько его.

Там украли барки, там стащили стул. Там продали арматуру с молотилки. Правление колхоза не следит, правление колхоза „нажимает"...

Колхозники даже не знали, кто же добровольно хочет быть в колхозе, кто в колхозе останется. И только за последние 3 дня стали просто сообщать свои добровольные кадры. Сразу набежало около 700 хозяйств, которые останутся в колхозе и после сева. Эту работу следовало бы сделать раньше — тогда эти 700 хозяйств работали бы. А то сейчас уже прошло время сева колосовых. А каковы итоги? Засеяно ячменя и овса 538 гект., а надо 1557, сахарной свеклы 104 г., подготовили 150 г. огорода.

Работало в общем 360 лошадей и 150 человек. Это на станицу с 12.000 населения, с сплошным колхозом! И в это же время колхоз содержал 334 служащих! Да, да! Конюхов, уполномоченных пятидесятидворок и правленцев!..

По станичным закоулкам хлеборобы проводили с в о и собрания, собирали по двугривенному, по гривеннику, и выбирали своих делегатов в центр, за управой на местные власти. Три делегата сейчас в Москве. Один — из Края — уже вернулся еще больше озлобленный, но непоколебимый. — Сталин писал, что нахально нельзя. А тут все нахально. В колхоз не пойду. Пахать не пойду. Вы все тут головотяпы.

Дал Стаценко короткую отповедь местным административным деятелям, пробовавшим его переубедить: — Вот Сталин не советует уходить из колхоза. Вот его статья.

Стаценко читает: „Хорошо ли делают уходя из колхоза". — Ну, да! Так это тем говорится, кто входил в колхоз. А мы там не были. Нас записали!..

А вечером кучковались хлеборобы по улицам станицы. В это время в клубе предколхоза Чичков делал доклад, а колхозный „интендант" Шаповалов обдумывал у кого завтра „з а б р а т ь" корм, чтобы не подохли оставшиеся у колхоза 360 лошадей (остальных хлеборобы развели). А на столе под локтем председателя открытого партсобрания лежали газеты со статьями Сталина и постановлениями ЦК о борьбе с извращениями!!!

Бумажные колхозы и пьяные бригадиры.

„Социалистическое Земледелие“, 20 апреля сообщает, что в станице Темижбекской горе - коллективизаторами создан бумажный колхоз. Середняк совершенно отпихнут. Считали, что вся станица в колхозе, а когда наступил сев из 1.600 хозяйств в поле выехало всего 300—400 хозяйств. В Алексеевско-Павловской станице в колхозах не было на одного середняка. Из ряда станиц сообщают о том, что к руководящей посевом работе не допущен ни один середняк. Та же газета в номере от 19 апреля сообщает, что ряд антисередняцких „перегибов“ в Тимошевском районе (Кубанского округа) привел к тому, что этот район вступил в весенний сев без достаточной мобилизации колхозной массы. На полевые работы во время сева колосовых не выходило от 20 до 30 процентов колхозников. Это положение усугубилось скверной организацией труда в колхозах. В Тимошевском колхозе „Память Ленина“ бригадиры представляли в правление сведения о работе, проделанной всей бригадой. Учет труда каждого отдельного колхозника отсутствовал и оплата труда производилась не по проделанной работе, а в среднем по бригаде. В результате отдельные бригадники спали днем на поле вместо работы или симулировали болезнь.

Есть суслики, нет фуража.

Фураж. Суслик. Эти два слова не сходят с языка Тармосиновского колхозника (Н. Чирского окр.), читаем в „Правде“, 12 апреля. Весна была безводная, в степях нечем было „вылить“, сусликов из их нор. Между тем, суслик растет ужасающе: как овцы, бродят они уже по озими. Судьба будущих урожаев окажется в недрах сусличьих нор.

Когда была обработана почти вся зябь и нужно было переходить на весновспашку и залежь, более медленно обрабатываемые, не стало ни клочка сена. Пришлось на двое суток приостановить работу — пока не подвезли бесшабашно конфискованное „под метелку“ сено у единоличников. На хуторе „Красный Тармосин“ „без всякого разговора“ взяли у середняка-единоличника без его ведома последние три воза сена.

Председатель правления колхоза по сему поводу говорит, что „весна застигла врасплох“.

Бібліотека ім. С. Петлюри в Парижі.

Українська Бібліотека ім. С. Петлюри в Парижі створена Паризьким Комітетом вшанування пам'яти С. Петлюри на пропозицію нинішнього Голови Ради В. Прокоповича. В 1928 році було організовано „Т-во Бібліотеки ім. С. Петлюри“, сама ж Бібліотека фактично почала існувати з лютого 1929 р., коли було найнято для неї окреме помешкання. Статут Т-ва зазначає, що „місцем осідку є Париж і не може бути перенесено де-инде“. Навіть в разі розвязання Т-ва „все його майно, за винятком колекцій С. Петлюри (музей при Бібліотеці), має бути передано до аналогічної установи української або французької“. Завдання Т-ва „сприяти у Франції студіям присвяченим вивченню України“.

Для того Т-во має на меті: 1. „Створити бібліотеку, читальні, робочі кабінети для осіб, які віддають себе дослідженню України. 2. Зібрати колекцію пам'яток і предметів, звязаних з особою покійного С. Петлюри. 3. Орґанізувати спеціяльні курси й відчити про все, що торкається України. 4. Впоряджати курси й відчити українською мовою для українців. 5. Сприяти дослідам і розшукам в архівах і бібліотеках для висвітлення відносин поміж Україною і Францією. 6. Видавати твори про Україну. 7. Перекладати з французької мови на українську твори наукові, літературні, підручники шкільні і т. инш. 8. Видавати свій бюлетень“.

На чолі Т-ва стоїть Рада, в яку входять: В. Прокопович — голова, І. Косенко — заступник і скарбник, ген. О. Удовиченко — секретарь та проф. О. Шульгин. Бібліотекарь І. Рудичів.

Книжки до Бібліотеки почали поступати з березня 1927 року. З перших жертводавців на Бібліотеку відгукнулися: Укр. Гром. Видавничий Фонд в Празі та п. Вировий в імени Укр. В-ва в Катеринославі. До нині надійшли пожертви книгами й грішми більше як від 300 осіб та орґанізацій. Варто відмітити, що пожертви йдуть і від чужинців-французів. Минулого місяця від удови б. франц. посла в Персії п. Бонен одержано 2.000 книг та 1.500 журналів-місячників, багато альбомів і малюнків. Українські Громади у Франції відписують свої громадські Бібліотеки, які зостаються тимчасом в розпорядженні Громад і існують як філії Паризької Бібліотеки. Так зробили Громади в Шалеті та в Оден-ле-Тиші. На травень Б-ка має — 5.426 книг та окремих журналів до 4.000 прим., більш 350 назв, не рахуючи газет та журналів тижневиків. Правда, більшість книг і журналів фр. мовою, але серед них є великої вартости й ціни примірники. В Бібліотеці зібрано також багато матеріялів і документів з нашої визвольної боротьби, та з життя еміґрації.

При Б-ці є читальня й Музей. Читальня дістає нині 74 журнали й газет, з яких 53 українською мовою. В Музей, який носить скромну назву „Кімнати пам'яти С. Петлюри“, збираються пам'ятки з життя й діяльности С. Петлюри. Тимчасом установлено там меблі з кімнати, в якій мешкав С. Петлюра перед смертю. Музей цей лише до часу лишається в Парижі і з часом буде переданий до Київа.

При Б-ці засновано окремий відділ „Петлюровіяни“, де збірається все що було писано самим Петлюрою чи про нього.

Бібліотека, уникаючи всього, що носить політичну закраску, потроху робиться центром громадського й культурного життя. Рада влаштовує час від часу виклади. В помешканню Б-ки відбуваються сходини аполітичних організацій, як Студ. Громада, Т-во приятелів Пласту, Церковна Рада, тут же відбуваються й театральні репетиції. Сюди ж до бібліотекаря, що тут і мешкає, приходять довідатися „що нового“, особливо замітно це було під час процесу СВУ. Само помешкання Б-ки виглядає як Музей: по стінах розвішано мапи, малюнки, листівки та ріжні пам'ятки визвольних часів. Загальна еміґраційна нужда не дає змоги поставити справу ширше й багато де чого ще бракує: нема досить полиць, книги не оправлені. Це ж не дає також спромоги набувати нові книжки й треба сподіватися, що з часом всі видавництва будуть надсилати всі свої видання. Для збільшення притоку пожертв Рада Бібліотеки ухвалила оголосити день смерти С. Петлюри — 25 травня кожного року, днем збірок на бібліотеку.

У відозві, яка видана з цього приводу, Рада просить такі пожертви надсилати на адресу бібліотекаря п. І. Рудичіва, а саме: I. Rudicev 11, Square de Port-Royal Paris — XIII.

Ис. Ф. Быкадоров.

Донской казак Тимофей Разин

(Сказы про старобытье казачье).

Вышло отдельной книжкой. Приобрести можно в редакции „В. К.“

Цена: в ЧСР — 6 к. ч., заграницу — 20 ам. ц.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $^1/_2$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“.

Вышла и поступила в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0·60 ам. долл.).

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1^1/_2$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Vydavatelé: Ignat Bilyj a Terentij Starikov. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 54197-VII.-1929. Tiskem Slovanského oddělení při knihtiskárně A. Fišer. Praha-Strašnice č. 289.